

И. Э. Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
i.vasileva@spbu.ru

М. Л. Кисилиер

СПбГУ / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

«ИХ-НАШ ПУШКИН»: ИЗ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ ПУШКИНИАНЫ

Статья посвящена специфике «пушкинского мифа» в грекоязычной культуре. В начале описываются результаты полевого исследования, посвященного представлениям современных греков о Пушкине. Затем рассматриваются наиболее яркие имена греков-переводчиков Пушкина и история основных этапов формирования греческого «пушкинского мифа», отразившаяся как в биографиях самих переводчиков, так и в присущих им переводческих стратегиях и в расстановке акцентов в изложении пушкинской биографии. На примере раннего этапа формирования «пушкинского мифа» в грекоязычной культуре подробно описывается история формирования греческой пушкинианы и основные труды. В итоге, ставится проблема специфики формируемого в греческих переводах «пушкинского текста» и предлагается концепция, согласно которой своеобразие «греческого Пушкина» обусловлено спецификой греко-русских отношений второй половины и особенно последней трети XIX в., определивших, с одной стороны, интерес к творчеству Пушкина со стороны греческой диаспоры юга России, с другой, — ее стремление так или иначе соединить «русского Пушкина» с греческой «великой идеей».

Ключевые слова: Пушкин, «пушкинский миф», грекоязычная пушкиниана, литературный перевод, греко-русские культурные связи.

I. E. Vasileva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. i.vasileva@spbu.ru

M. L. Kisilier

St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

“Their-our Pushkin”: from the history of Greek Pushkin studies

This contribution is about the peculiarities of the “myth about Pushkin” in Greek-speaking culture. In the first part, we describe the fieldwork research where we investigate what contemporary Greeks know about Pushkin. Then, we observe the most eminent translators and basic stages of the formation of the Greek “myth about Pushkin”, along with the analysis

of the translating strategies and the way of narrating of Pushkin's biography. We analyze the earliest stage of this process in the Greek-speaking culture as an illustration of Greek Pushkin studies. As a result, we think that the main problem here are the specific features of the "Pushkin's text" and propose a concept that the uniqueness of Greek Pushkin originates from the unique Greek-Russian relations of the 2nd half (especially the last third) of the 19th century. They raised interest of Greek diaspora in the south of Russia towards Pushkin's works, on the one hand, and the intention to combine "Russian Pushkin" and Greek "Great Idea", on the other.

Keywords: Pushkin, the "myth about Pushkin", Pushkin studies in Greek, translation of the literature, Greek-Russian cultural connections.

Практически в каждой национальной литературе есть автор, про которого говорят, что его невозможно адекватно перевести на другие языки и что невозможно понять его значимость, не прочтя его произведения на языке оригинала. Например, в Греции таким поэтом считают Ангелоса Сикелияноса, а для России это — Пушкин. Знаменитый греческий писатель Никос Казандзакис в своей «Истории русской литературы», в частности, отмечает: «Тем, кто не владеет русским языком и не может непосредственно соприкоснуться с творчеством Пушкина, этот энтузиазм (по поводу значимости Пушкина для русской и мировой культуры — *И. В., М. К.*) кажется преувеличенным. Они не могут ощутить ни магическую прелесть ритма пушкинского языка, ни не сравнимую ни с чем его мощь в изображении русской души»¹ (Kazantzakis 1930: 143)². Тем не менее, легко убедиться, что в греческих магазинах продается немало книг Пушкина. Приведем некоторые названия с сайта «βιβλιονet»³:

1. «Ο ψαράς και το χρυσόψαρο» («Сказка о рыбаке и рыбке», букв. «Рыбак и золотая рыба»);

---

¹ Здесь и далее перевод наш (*И. В., М. К.*), если это не указано особо.

² Справедливости ради отметим, что и сам Казандзакис, хотя и пытался учить русский язык, едва ли мог читать Пушкина в оригинале и, скорее всего, ознакомился с его творчеством с помощью русскоязычных друзей (ср. Vien 2012: 292, 303, 307, 314).

³ <https://biblionet.gr/προσωπο/?personid=5595> (дата обращения 20.04.2024). Приведенный ниже список далеко не полон, более того, даже на сайте одного магазина можно обнаружить несколько разных переводов одного и того же произведения.

2. «Ο ἀράλης του Μεγάλου Πέτρου και άλλα πεζά» («Арап Петра Великого и другие прозаические произведения») ⁴;
3. «Η ιστορία του Πουγκατσόφ» («История пугачевского бунта», букв. «История Пугачева»);
4. «Τσάρος Σαλτάν» («Сказка о царе Салтане», букв. «Царь Салтан»);
5. «Η Ντάμα Πίκα» («Пиковая дама»);
6. «Μότσαρτ και Σαλιέρι. Ο πέτρινος επισκέπτης» («Моцарт и Сальери. Каменный гость»);
7. «Μικρά ποιήματα» («Стихотворения») ⁵;
8. «Ευγένιος Ονέγκιν» («Евгений Онегин»);
9. «Η κόρη του λοχαγού» («Капитанская дочка»);
10. «Τα τρία παραμύθια» («Три сказки» — «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане»);
11. «Дон Ζουάν (Ο πέτρινος καλεσμένος). Σκηνές από τον καιρό των ιπποτών» («Дон Жуан (Каменный гость). Сцены из рыцарских времен»);
12. «Μπόρις Γκοντούνοφ» («Борис Годунов»);
13. «Τα διηγήματα της φωτιάς» ⁶ («Огненные повести» — «Выстрел», «Барышня-крестьянка», «Гробовщик», «Метель»);
14. «Ταξίδι στο Ерζερούμ» («Путешествие в Арзрум»);
15. «Μικρές τραγωδίες» («Маленькие трагедии»);
16. «Τσιγγάνοι» («Цыганы»);
17. «Ποιήματα» («Стихотворения»);
18. «Πολτάβα» («Полтава», издана вместе с «Баснями» И. А. Крылова).

Произведения Пушкина нередко включают в антологии вместе с произведениями западноевропейских романтиков, от которых, по крайней мере, для современных издателей, Пушкин мало чем отличается. С этой точки зрения весьма показательна ошибка,

⁴ Встречается также отдельное издание под названием «Ο νέγρος του Μεγάλου Πέτρου» (букв. «Негр Петра Великого»).

⁵ Согласно аннотации, в сборник включены стихотворения, связанные с греками и Грецией.

⁶ Такой нетипичный перевод названия «Повестей И. П. Белкина» с трудом поддается интерпретации. Возможно, переводчик подразумевал сложную ассоциативную метафору, в которой соединились бы обстоятельства создания повестей — «огонь эпидемии» (холерный карантин), предполагаемое условное время наррации (истории, которые рассказывают вечером, у камина) и напряженность («огонь») интриги. Однако вполне вероятно, что за странным переводом стоит обычная ошибка понимания.

допущенная в статье, посвященной Пушкину, на сайте Коммунистической партии Греции⁷, где вместо портрета Пушкина представлено изображение венгерского национального поэта Шандора Петёфи.

Современные греки о Пушкине: взгляд XXI в.

Чтобы понять, что знают современные греки о Пушкине, мы решили провести небольшое полевое исследование с помощью современных информационных технологий, создав короткий опросник на платформе «Google Формы». В опросе приняли участие 145 респондентов, относящихся к нескольким возрастным группам⁸, проживающих в различных регионах Греции⁹, на Кипре (8 чел.) и в других странах¹⁰, и имеющих разное образование¹¹. Участники исследования изначально не знали, что цель опроса — выявить, насколько им знакомо имя Пушкина, и ожидали, что речь пойдет о русской культуре в целом. В ходе опроса они должны были анонимно ответить на шесть вопросов.¹² Приведем эти вопросы вместе со статистикой ответов и нашим кратким комментарием.

1. Имена каких деятелей русской культуры и науки вам известны?

Отвечая на этот вопрос, участники исследования должны были сами указать известные им имена. Пятеро респондентов признались, что не знают никого, четверо написали, что знают «всех», «многих» или «некоторых». Подавляющее же большинство стали

---

7 <https://www.rizospastis.gr/story.do?id=3500354> (дата обращения 18.04.2024).

⁸ Участников опроса можно разделить на пять возрастных групп: 21–30 л. (23 чел.), 31–40 л. (35), 41–50 л. (34), 51–60 л. (32) и старше 60 л. (21).

⁹ Афины и окрестности (43 чел.), Салоники и окрестностях (15), Леонидио и окрестности (14), Триполи и окрестности (11), Астрос (8), Патры (7), Спарта и окрестности (6), Сκάла (3), Ййтион (2), Крит (2), Кораковуни (1), Акраты (1), Нафплион (1), Лерос (1), Хиос (1) и Корфу (1). 14 участников опроса указали, что они проживают в Греции, не конкретизируя населенный пункт.

¹⁰ Канада (2 чел.), США (1), ФРГ (1), Австрия (1) и Великобритания (1).

¹¹ 47 респондентов имеют или получают филологическое образование (8 из них изучали/изучают русскую филологию), 27 — гуманитарное нефилологическое, 26 — связаны с точными или естественными науками, 22 — изучали другие направления и 23 чел. не получили высшего образования.

¹² По-настоящему, вопросов было больше, однако не все дали результаты, заслуживающие упоминания в настоящей статье.

отвечать весьма подробно. Упомянутых деятелей русской культуры и науки можно условно разделить на несколько групп:

Политические деятели и известные люди: Бакунин (3)¹³, Гагарин (2), Герцен, Горбачев, Кропоткин (2), Ленин (5), Молотов, Сталин (3), Троцкий.

Деятели театра, кино и эстрады, музыканты: Барышников (3), Билан (2), Васильев (балет), Вахтангов, Кончаловский, Мейерхольд, Михалков (2), Налич, Нижинский, Нуриев (8), Образцова, Параджанов, Плесецкая, Пугачева, Ростропович, Сокуров, Смоктуновский, Станиславский (5), Тарковский (17), Уланова, (Михаил) Ульянов, Френкель, Шаляпин, Эйзенштейн (5).

Композиторы: Бородин, Глинка, Губайдулина, Мусоргский (2), Прокофьев (6), Рахманинов (29), Римский-Корсаков (6), Рубинштейн, Скрябин, Стравинский (9), Чайковский (63), Шнитке, Шостакович (5)¹⁴.

Ученые: Бахтин (2), Вавилов, Выготский (2), Колмогоров, Ломоносов (3), Менделеев (2), Павлов (2), Перельман, Пирогов, Прохоров (физик), Трубецкой, Якобсон (2).

Художники: Айвазовский (2)¹⁵, Бруни, Брюллов, Васнецов, Глазунов, Клюн, Кондинский (10), Левитан, Малевич (4), Маковский (2)¹⁶, Перов, Репин (2), Рублев (3), Рябушкин, Феофан Грек, Шагал (6), Шишкин.

Литераторы: Айтматов, Андреев, Ахматова (7), Блок, Булгаков (3), Бунин, Гоголь (10), Горький (12), Григорович, Гроссман, Достоевский (97), Евтушенко, Есенин (2), Жуковский, Лермонтов (6), Маяковский (19), Набоков (2), Некрасов, Пастернак (5), Пушкин (30), Солженицын (5), Толстой (86), Тургенев (7), Цветаева (2), Чехов (28), Шолохов¹⁷.

При всем разнообразии имен, видно, что литераторы известны лучше всех прочих. При этом наибольшее количество имен знают респонденты старше 40 лет независимо от уровня и направления образования. Как и ожидалось, Пушкин не оказался наиболее известным русским литератором. Тем не менее, он попал в

¹³ Здесь и далее в скобках приводится число респондентов, указавших данное имя.

¹⁴ Среди русских композиторов был также указан и Шопен.

¹⁵ Один из респондентов не смог вспомнить имя, но подробно описал картины.

¹⁶ Не исключено, что перепутан с Маяковским, но оба участника опроса, указавшие Маковского, несомненно, знакомы как с русскими поэтами, так и художниками.

¹⁷ Интересно, что в перечень русских писателей попал Кафка.

четверку самых известных имен, немного обойдя Чехова и значительно опередив Горького и Гоголя:

1. Достоевский — 97 чел.
2. Толстой — 86 чел.
3. Чайковский — 63 чел.
- 4. Пушкин — 30 чел.**
5. Рахманинов — 29 чел.
6. Чехов — 28 чел.
7. Маяковский — 19 чел.
8. Тарковский — 17 чел.
9. Горький — 12 чел.
10. Гоголь — 10 чел.

Более того, четыре респондента (двое из них не являются филологами) именно с Пушкина начинали перечисление имен деятелей русской культуры и науки.

Следующие вопросы исследования уже были непосредственно связаны с Пушкиным. При ответе на вопросы 2–4 участникам опроса предлагалось выбрать правильный, по их мнению, вариант из списка.

2. Кем был Пушкин?

Большинство респондентов (98) не сомневались в том, что Пушкин — литератор. 37 участников опроса затруднились ответить. Встретились также и довольно экстравагантные версии: политический деятель (3¹⁸), ученый (2), музыкант (2¹⁹), философ (2) и художник (1).

3. Когда жил Пушкин?

55 участников опроса признались, что «не знают». Правильно ответили 42 чел. 34 респондента отправили Пушкина в XVIII в. Можно предположить, что ответы типа XVII в. (7), XX в. (4), «жив до сих пор» (2) и XVI в. (1), скорее всего, просто представляют собой случайный выбор тех, кто просто не захотел написать, что «не знают».

4. Как выглядел Пушкин?

Участникам опроса были предложены портреты пятерых деятелей русской культуры, и нужно было определить, где

---

¹⁸ Все ответившие таким образом либо не получили высшего образования, либо не изучали ни гуманитарные, ни естественные, ни точные науки.

¹⁹ Интересно, что в первых двух случаях ответившие имели филологическое или гуманитарное образование.

изображен именно Пушкин. 72 респондента успешно справились с этой задачей. Несколько отвечавших перепутали Пушкина с Репиным (8), Тургеневым (4) и Рахманиновым (1). 60 чел. затруднились ответить.

Последние два вопроса (№№ 5 и 6) были связаны с произведениями Пушкина, названия которых участники опроса должны были написать сами.

5. Названия каких произведений Пушкина известны участникам опроса?

Около половины респондентов не знали (71) или не вспомнили (9) ни одного названия. Однако большая часть участников опроса (51%) дали положительные ответы. По степени известности для этой группы произведения Пушкина располагаются следующим образом:

1. «Евгений Онегин» — 29 чел.
2. «Капитанская дочка» — 15 чел.
3. «Руслан и Людмила» — 14 чел.²⁰
4. «Борис Годунов» — 8 чел.
5. «Кавказский пленник», «Пиковая дама» — 6 чел.
6. «Медный всадник», «Цыганы» — 5 чел.
7. «Станционный смотритель» — 4 чел.
8. «Моцарт и Сальери», ода «Вольность» — 3 чел.
9. «Метель», «Путешествие в Арзрум», «Сказка о царе Салтане» — 2 чел.

Кроме этого, некоторые участники опроса вспомнили такие произведения, как «Арап Петра Великого», «Воспоминания о Царском селе», «История пугачевского бунта», «Маленькие трагедии» (и отдельно «Каменный гость» и «Пир во время чумы»), «Монах», «Выстрел», «Полтава», «Пророк», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Важно отметить, что многие названия упоминали респонденты, вообще не связанные с филологией или не имеющие высшего образования.

6. Какие произведения Пушкина читали участники опроса?

Примерно $\frac{2}{3}$ участников опроса признались, что никогда не читали Пушкина (98) или не помнят, что именно читали (4). Некоторые респонденты просто указали, что читали какие-то стихотворения. В нашем исследовании учитывались лишь те случаи, когда указывались названия конкретных произведений. Как и ожидалось, список прочитанных произведений намного короче, чем список известных названий, приведенный выше.

---

²⁰ Некоторые респонденты, вероятно, ориентируясь на какой-то перевод, именуют поэму «Людмила и Руслан».

Несмотря на это, они отчасти совпадают, в т. ч. и с точки зрения частотности упомянутых названий:

1. «Евгений Онегин» — 11 чел.
2. «Капитанская дочка» — 7 чел.
3. «Борис Годунов» — 4 чел.
4. «Пиковая дама», «Руслан и Людмила», «Цыганы» — 3 чел.
5. «Станционный смотритель» — 2 чел.²¹

Среди прочитанных произведений также были «Кавказский пленник», «Каменный гость», «Медный всадник», «На холмах Грузии...», «Полтава» и «Путешествие в Арзрум».

Вопреки ожиданиям основными читателями произведений Пушкина, согласно опросу, оказались не столько выпускники кафедры русской филологии, сколько представители старшего поколения независимо от направления и уровня их образования. Отметим, что среди греческих читателей Пушкина есть и молодежь.

Итак, полученная в результате опроса картина позволяет сформулировать несколько тезисов. Во-первых, Пушкин для греков не является самым известным представителем русской литературы, а значительная часть тех, кто знает его имя, никогда не брала в руки его книг (вероятно, даже часть тех, кто пытается утверждать обратное). Во-вторых, представления участников опроса о Пушкине довольно пестры. Это ожидаемо, учитывая различный культурный бэкграунд и широкий возрастной диапазон информантов. Вместе с тем не просматривается последовательной корреляции между точностью и глубиной знаний о Пушкине и/или его произведениях, с одной стороны, и социально-возрастными (прежде всего, уровень и тип образования) характеристиками информантов — с другой²². Это значит, что, в отличие от отечественной ситуации, представление современных греков о Пушкине не является институциональным продуктом, т. е. пассивно усвоенным стереотипом, например, привнесенным из системы образования. Напротив, греческие представления могут свидетельствовать (разумеется, со всеми понятными оговорками) о реальной читательской практике информанта, быть отражением его живого интереса к русской культуре. В то же время, наличие значительного числа респондентов, читавших Пушкина или вполне ясно ассоциирующих его с первыми именами русской литературы, рождает закономерные вопросы: как же воспри-

---

²¹ Один респондент также упомянул «Повести Белкина» целиком.

²² Весьма вероятно, что такая картина в целом типична для современной культуры, обусловлена ее повышенным динамизмом, полицентризмом, широтой и интенсивностью информационного потока.

нимают греки Пушкина? чем он им интересен? есть ли у них более или менее типичное представление о нем и о его творчестве? насколько это представление устойчиво в «большом» времени? Ответить на эти и подобные им вопросы в полной мере едва ли возможно, по крайней мере, в рамках данной статьи, но можно наметить некоторые векторы исследования в изучении рецептивного поля грекоязычного Пушкина. Очевидно, что одним из красноречивых свидетельств, на которые можно опереться в разработке данной темы, являются переводы Пушкина на новогреческий язык.

История греческой пушкинианы: основные этапы

Историю переводов Пушкина на новогреческий и текстов о Пушкине на новогреческом языке²³ можно разделить на несколько хронологических этапов, которые, по всей видимости, типичны не только для Греции. Границы их обозначены наиболее масштабными событиями социально-политической истории. Первый период — до первой мировой войны и революции 1917 г., второй связан с интересом к новой советской России, третий — после второй мировой войны, четвертый начинается в 1990-ые. Каждый из этих этапов имеет свою доминанту и специфику.

Первый период можно было бы определить как «подготовительный», информационный. С одной стороны, его центральные события, как и во всем мире, фокусируются вокруг двух пушкинских юбилеев — 50-летие со дня гибели (1887 г.) и 100-летие со дня рождения (1899 г.). Юбилеи вызвали волну интереса к Пушкину, и, как следствие, серию новых переводов его произведений и текстов о нем. Такая картина характерна как для отечественной, так и для зарубежной пушкинианы (Draganov 1899: 30). С другой стороны, грекоязычный мир имел свои особенности, существенно отличавшие его ситуацию от европейской. До последней трети XIX в. представления греков о русской литературе были весьма фрагментарны и скупы. Им были известны богословские сочинения, греки знали «Историю государства российского» Н. М. Карамзина²⁴. Какие-то сведения о русской литературе и русских писателях появлялись в греческой печати. В периодических изданиях Константинополя и Афин встречались небольшие сообщения даже о Пушкине, сопровождаемые переводами его стихотворений. Однако роль этих публикаций

---

²³ Далее, для краткости, говоря о переводах Пушкина на новогреческий или о грекоязычном Пушкине мы будем иметь в виду как переводы на новогреческий произведений Пушкина, так и тексты — биографические, критические — о Пушкине на новогреческом языке.

²⁴ Перевод «Истории...» на греческий был опубликован в Афинах в 1855–1856 гг. (Karamzin 1855–1856).

была мала, они имели «случайный и спорадический характер, не получали широкого распространения в греческом обществе и очень мало знакомили греков с великим русским поэтом» (Sokolov 1926: 188). Вместе с тем к концу века в европейском мире уже стремительно росла известность Тургенева, Достоевского, Толстого. Греция в этом смысле не была исключением. Но появление великих русских романистов — по установившемуся как в русской культуре, так и активно транслируемому за ее пределы представлению — без Пушкина было бы невозможно. Так задача обстоятельного знакомства грекоязычного мира с Пушкиным и его произведениями получала не только юбилейное, но оправданное исторической логикой литературного процесса обоснование. Для грекоязычного мира специфика ситуации заключалась еще и в том, что речь шла не о новой волне интереса, а о первом обстоятельном знакомстве с Пушкиным. Как писал в 1870 г. греческий дипломат, ученый и литератор Стефан Карафеодорис (Στέφανος Κ. Καραθεοδωρής)²⁵, «китайская стена все еще отделяет русский мир от греческого культурного общества» (Karatheodoris 1870–1871: 60–61). Так что очевидная первостепенная задача состояла в том, чтобы встречными усилиями — как русской литературы, так и грекоязычной — преодолеть эту «стену». Юбилейные даты послужили дополнительным стимулом. К ним приурочены главные издания этого периода. Таких немного и не составит труда их перечислить. Это сделанный в 1870 г. уже упомянутым выше Карафеодорисом доклад о русской литературе, опубликованный позднее в виде отдельной статьи. Затем в 1886 г. Феодор Веллианитис (Θεόδωρος Α. Βελλιανίτης) напечатал довольно большую биографию Пушкина в «Аттическом календаре» (Αττικὸν Ἡμερολόγιον), популярном во всем грекоязычном мире афинском издании (Vellianitis 1886). Уже в следующем, 1887 г., там же в Афинах вышел объемный том разных пушкинских произведений в переводе Адамантия Харамίса (Αδαμάντιος Χαραμής), помимо художественных текстов, в томе была и биография Пушкина (Pushkin 1887). Еще через год, в 1888 г., в Одессе были изданы пушкинские поэмы в переводе Харлампия Вулудимоса (Χαράλαμπος Βουλόδημος) (Pushkin 1888). В 1893 г. тоже в Одессе выходит перевод «Капитанской дочки», выполненный Николаосом Феодоридисом (Νικόλαος Τ. Θεοδωρίδης) (Pushkin 1893). А в 1899, в год 100-летнего пушкинского юбилея, в Афинах будет опубликован «Евгений Онегин» в переводе Вулудимоса (Pushkin 1899).

---

²⁵ Здесь и далее — при первом упоминании греческого автора и его произведения дается написание имени и названия текста на русском и на греческом, в дальнейшем уже упомянутое имя или название указывается только на русском.

Помимо текста романа, том включал биографию Пушкина и тексты о нем.

Таким образом, между двумя юбилеями, на новогреческом языке был создан корпус текстов, включающих основные биографические сведения о Пушкине и переводов его художественных произведений. Закономерно, что все первые переводчики пушкинских произведений оказались так или иначе связаны с Россией — или жили в ней длительное время (как Харамис, Веллианитис и Вулдимос), или хотя бы посещали ее (как Карафеодорис). На сегодняшний день сведений о них немного. Но очевидно, что особенности их биографий, мировоззрения, степень погруженности в русскую литературу и даже уровень знания русского языка — все это так или иначе отразилось на текстах их переводов. Другие пушкинские материалы и переводы, время от времени появлявшиеся в греческой периодической печати, по общему мнению немногочисленных исследователей ранней новогреческой пушкинианы, в еще большей степени были далеки от совершенства (Kirpichnikov 1887; Draganov 1899; Sokolov 1926). Нередко сведения о жизни поэта давались в неточном или даже весьма вольном пересказе, в переводе приводились только отрывки произведений, стихотворные тексты передавались прозой и т. д. Тем не менее главная задача — создание базового корпуса пушкинских новогреческих текстов — была выполнена. Отчасти поэтому в 1900–1910-х гг. активность по созданию «греческого Пушкина» явно снижается. Не способствовали новым переводам и внешние обстоятельства: в начале 1907 г. после продолжительной болезни умирает главный меценат культурных проектов российской греческой диаспоры Г. Г. Маразли, в России идет затяжной политический кризис, неуклонно нарастает напряжение в греко-турецких отношениях, в 1913 г. убивают греческого короля Георга I и его супруга, урожденная Ольга Константиновна Романова, поддерживавшая русофильские культурные проекты, возвращается в Россию. Первая мировая война, малоазийская катастрофа и череда русских революций отодвинули задачу переводов Пушкина на греческий далеко на периферию.

Второй хронологический период переводов Пушкина приходится на 1920–1930-ые гг. У него тоже есть свой юбилейный центр — 1937 г. В этот год в советской печати проходит серия отчетных публикаций, рассказывающих о праздновании пушкинского юбилея в других странах. Материалы под общей рубрикой «Пушкинские дни за рубежом» публикуют газеты «Известия» (1937, № 37, 11 февраля, с. 2), «Правда» (1937, № 41, 11 февраля, с. 6), «Комсомольская правда» (1937, № 34, 11 февраля, с. 1), «Коммунист Таджикистана» (Сталинабад, 1937, № 37, 15 февраля, с. 3), «За коммунистическое просвещение» (1937, № 21, 12 февраля, с. 4), а также «Интернациональная литература» (1937,

№ 3, с. 221–222). В числе прочих стран называется и Греция²⁶. Однако риторика советских передовиц не дает возможности представить конкретику отношения греков к Пушкину в эти годы.

В отличие от первого периода, главные события в развитии «новогреческого Пушкина» в 1920–30-е гг. с юбилеем не связаны. Они означены двумя независимыми друг от друга именами — Никосом Казандзакисом (Ν. Καζαντζάκης) и Георгием Антоновичем Костоправом. В рамках масштабного проекта новой советской власти по созданию в мире положительного имиджа СССР страну посещают известные иностранные писатели. В их числе был и Казандзакис, в 1925–1929 гг. трижды побывавший в советской России и описавший свои впечатления как от советской жизни, так и в целом от русской культуры в книге очерков «Путевые заметки. Россия». Главным же итогом интереса к России стала написанная Казандзакисом «История русской литературы» (Ιστορία τῆς Ῥωσικῆς λογοτεχνίας). Есть в ней и глава, посвященная Пушкину (Kazantzakis 1930: 144–157). «История литературы» была впервые опубликована в 1930 г., а затем дважды переиздавалась в 1965 и в 1980 гг. Казандзакис интересовался Россией, немного учил русский язык, но знания его были невелики. Русскую литературу он читал в переводе. Но в его окружении было немало людей, хорошо знавших русский язык, и, работая над «Историей», он постоянно к ним обращался. Тем не менее трудно ожидать от его работы описания малоизвестных фактов, новой и точной концепции творчества того или иного русского писателя или русской литературы в целом. Достоинство этой книги в другом. Поясним это на пушкинском примере. О Пушкине Казандзакис пишет подробно и с увлечением: рассказывает его происхождение, биографию, репутацию у современников, сравнивает по значению с Данте, Гете и Шекспиром. Возможно, благодаря своему опыту знакомства с Россией и усилиям по ее изучению, Казандзакису внятна завороченность России пушкинским гением и стремление разгадать его загадку. Он неоднократно говорит о важности фигуры Пушкина для современной ему культуры — культуры XX в. Видно, как по мере рассказа он сам увлекается Пушкиным. Тем самым Казандзакис превращает фигуру поэта из объекта историко-филологического описания, из факта прошлого — в субъект современной культуры, точно совпадая в этой своей интенции с главным вектором русского культурного (а не официального) мифа о Пушкине. В предисловии к изданию 1980 г. Элени Казандзакис, жена писателя, подчеркивает: «“История русской литературы” — это очень интересная книга, можно

---

²⁶ Сведения основаны на данных П. Н. Беркова и В. М. Лаврова (Berkov, Lavrov 1949: 897–898).

сказать, уникальная в своем роде, которая глубоко исследует русскую грамматику, не теряя при этом обычного блеска и очарования языка Казандзакиса» (Kazantzakis 1980: 6). Иными словами, успех книги Казандзакиса у греческого читателя обусловлен тем, что она написана талантливым писателем и потому делает привлекательным и убедительным то, о чем повествует. Так, не являясь — буквально — переводчиком Пушкина, Казандзакис оказывается важной фигурой в грекоязычной пушкиниане, создавая, как и многие деятели русской культуры, *своего* Пушкина, наделяя его важными в *собственном, личном* измерении качествами.

Другая линия этого же хронологического периода связана с переводческой деятельностью советского поэта Г. А. Костоправа (1903–1938), пытавшегося создать литературный язык для приазовских греков на основе их родного диалекта (т. н. румейского языка). Стремясь выйти за рамки традиционного фольклора и нуждаясь в новых образах и изобразительных средствах, Костоправ обратился к литературному переводу (см. Vasileva, Kisilier 2018: 286; Kisilier 2019: 121–124).

Переводы Костоправа и его школы — это прежде всего языковой эксперимент. В рамках национальной политики СССР начала 1930-х гг., провозглашавшей поддержку и развитие культуры малых языков и народностей, возникает проект по созданию письменности на румейском диалекте греческого языка. Костоправ вместе с единомышленниками и учениками (В. Гала, А. Димитриу, А. Карвонид, К. Карвонидис, К. Пастур, А. Рионис, П. Саравас, Д. Теленчи) не только пишут собственные оригинальные произведения на греческом румейском, но и переводят на диалект произведения классиков XIX в., в том числе — Пушкина. В 1937 г. в Мариуполе выходит сборник пушкинских переводов на румейский. В него вошли «Каменный гость», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Цыганы», «Станционный смотритель», «Гробовщик» и 14 стихотворений (Pushkin 1937). Задача румейского переводческого проекта напоминает ту, что стояла перед греческими переводчиками в конце XIX в., но в отличие от той эпохи, потенциальный адресат перевода — это не представитель греческой диаспоры из Таганрога, Одессы, Константинополя, Афин или иного крупного города с греческим городским населением, купец-коммерсант или образованный грек с другим родом занятий, а приазовский греческий крестьянин, по Пушкину и другим классикам осваивающий азы книжной культуры. За краткий период официальной поддержки диалектных грекоязычных диаспор вновь возвращается уже известный по дореволюционному периоду вариант «школьного» Пушкина, где и перед переводчиком, и перед читателем стоит не столько творческая, сколько практическая задача —

«освоить» Пушкина, хотя уровень этих задач и разный. Однако румейский переводческий проект просуществовал недолго. В 1936 г. вектор национальной политики советской власти изменился. В отношении греков начались массовые репрессии, Костоправ в 1937 г. был арестован, а в начале 1938 г. — расстрелян.

В послевоенный период на территории СССР не только переводы Пушкина на греческий, но и вся культура грекоязычной диаспоры на официальном уровне была заморожена. Конец эпохи сталинских репрессий улучшает положение людей, но существенно не меняет ситуацию в отношении культуры диаспоры. Она по-прежнему находится в зоне отмены, существует только как устная традиция, своего рода «пережитки прошлого».

Совсем иная ситуация в Греции. С послевоенных лет там, напротив, неуклонно растет число переводчиков пушкинских текстов. Так, в разных переводах выходит «Евгений Онегин»²⁷. Большой популярностью у переводчиков пользуются «Пиковая дама», сказки Пушкина, прежде всего — «Сказка о рыбаке и рыбке». Издаются в разных версиях «Маленькие трагедии», «Борис Годунов» и др. Самый продуктивный и наиболее яркий греческий переводчик этого периода — Андреас Сарандопулос (Ανδρέας Σ. Σαραντόπουλος)²⁸, человек необычной для переводчика биографии. В отличие от ученых греков и писателей предыдущих периодов Сарандопулос — профессиональный военный, участник сопротивления и гражданской войны. Будучи «левых» взглядов, после победы хунты почти 10 лет провел в тюрьмах (1945–1953), где и выучил русский язык. После освобождения написал грамматику русского языка (1957 г.) и перевел на греческий почти все произведения русских классиков, причем не только Пушкина, но и советских писателей. Его переводы до сих пор пользуются популярностью и регулярно переиздаются. Фактически, только на этом этапе, через 100 лет после статьи Карафеодориса, «китайская стена» между грекоязычным миром и русской литературой оказалась разрушенной. Далее вопрос уже состоял не во включении пушкинских текстов в грекоязычный литературный космос, но полностью переключился в творческую и финансовую сферы.

Последний, современный период снова характеризуется наличием двух векторов, довольно резко отличающихся друг от друга. Это связано с отличиями в прагматике двух переводческих групп.

---

²⁷ Переводчики Никос Папаконстантину (Νίκος Παπακωνσταντίνου, 1962 г.) и Корилия Макри (Κοράλια Μακρή, 1977 г.).

²⁸ К сожалению, нам, на данный момент, не удалось найти точные данные о годах жизни А. Сапандопулоса. Известно только, что он родился в 1915 г., умер не ранее 2000 г.

Одну из них (и довольно многочисленную) составляют репатрианты с территорий бывшего Советского Союза. В силу известных социо-политических причин значительное число понтийских и приазовских греков, рассеянных за годы советской власти по всей территории СССР, в 1990–2000-х гг. переехали в Грецию. Одним из следствий этой волны миграции стало распространение особого типа современных греческих переводов — «домашнего» или «бабушкиного». Понятное желание приобщить внуков к культурным текстам, наличие свободного времени создают условия и мотивацию для переводческой деятельности. Как правило, объектом перевода становятся небольшие произведения. Наибольшей популярностью у «домашних» переводчиц пользуются произведения Пушкина, а среди них — «Пиковая дама», сказки, южные поэмы и «Повести Белкина».

Принципиально иную группу представляют собой переводчицы, нацеленные на решение сложной эстетической задачи. Примером такого подхода могут служить работы Екатерины Ангелаки-Рук (Κατερίνα Αγγελάκη-Ρουκ, 1939–2020). Она была духовной дочерью Казандзакиса, начинала свою литературную деятельность как поэтесса, училась во Франции и Швейцарии, где получила диплом переводчика. Переводила она преимущественно с французского и английского. Из русских авторов ею были переведены стихи Маяковского и Бродского, «Герой нашего времени» Лермонтова, рассказы Л. Андреева, «Дракон» Шварца, «Сикстинская мадонна» Гроссмана, проза Шаламова и «Желтая стрела» Пелевина. В 2000 г. она сделала стихотворный перевод «Евгения Онегина».

Таким образом, общие черты истории «новогреческого Пушкина» выглядят вполне типично, хотя и имеют свои специфические особенности. На основании таких данных сложно понять, как греки воспринимают Пушкина и что же такое «греческий Пушкин», хотя преемственность интереса к Пушкину очевидна. Думается, что истоки как интереса к Пушкину, так и специфики «греческого Пушкина» стоит искать в начальном периоде новогреческой пушкинианы.

Греческая пушкиниана XIX в.: история изучения

Изучение связанных с Пушкиным новогреческих текстов дореволюционного времени имеет свою, хотя и весьма скромную, научную традицию. Практические все известные нам исследования были выполнены в контексте более общей, приоритетной для этого этапа развития пушкинистики задачи — создания максимально полной библиографии всех работ, так или иначе связанных с Пушкиным, включая работы о нем на иностранных языках и переводы его произведений на иностранные языки. В иноязычной пушкиниане переводы произведений Пушкина на

новогреческий занимают далеко не первое место. Г. Н. Геннадид (Gennadi 1859) и В. И. Межов (Mezhov 1886), авторы первых обстоятельных библиографий переводов Пушкина, вообще о таких не упоминают, хотя работа Межова была построена на тщательном изучении материалов Императорской Публичной библиотеки. Причина этого в том, что основные переводы Пушкина на греческий появились позднее, между двумя юбилейными датами — между 1887 и 1899 гг. Кроме того, новогреческие тексты были распространены прежде всего на юге России — там, где преимущественно проживало греческое население, поэтому сведений о них в Одессе и Таганроге было больше, чем в Петербурге и Москве. Показательно, что впервые существование новогреческих переводов отмечает А. И. Кирпичников²⁹ в речи, произнесенной в Императорском Новороссийском университете по случаю 50-летия со дня смерти поэта. Под текстом стоит дата — 29 января 1887 г. Подчеркивая исключительное значение труда В. И. Межова, он вместе с тем отмечает, что собранная им библиография «вообще не претендующая на безусловную полноту, в этом отделе (переводов — *И. В.*, *М. К.*) имеет особенно большие пробелы» (Kirpichnikov 1887: 34). Как доказательство Кирпичников впервые называет грекоязычные работы о Пушкине: обстоятельную статью Карафеодориса «О русской литературе» и изданный в Одессе еще в 1847 г. сборник рассказов на греческом языке, где есть сюжет о дуэли и смерти Пушкина. В отличие от Карафеодориса, которому Кирпичников дает высокую оценку, характеризуя его как «талантливого и высокообразованного грека», автор этого сборника Кирпичникову неизвестен. Он называет его «некий Дельянис (Δελγιάνης)» (Kirpichnikov 1887: 34). Актуальных сведений об этом сборнике на данный момент найти не удалось, так что нельзя исключить, что он утрачен. Несмотря на краткость указанных в примечании Кирпичникова сведений, благодаря этому упоминанию, новогреческие тексты вводятся в иноязычную пушкиниану. В то же время очевидно, что ученый ни в 1887 г., ни в более поздних своих работах, куда им были включены материалы первой юбилейной речи (Kirpichnikov 1903a, 1903b), не ставил своей задачей дать полный обзор переводов Пушкина на новогреческий. Его цель была более масштабной — Кирпичников стремился показать европейский масштаб творчества Пушкина и его общеевропейское значение. В итоге, в 1887 г. вопрос о корпусе

---

²⁹ В 1885 г. А. И. Кирпичников возглавил кафедру всеобщей истории в Императорском Новороссийском университете в Одессе. Библиофил, в годы пребывания в Одессе вел активную и разностороннюю исследовательскую и научную деятельность. См. о нем и о его работах (Yazykov 1903).

новогреческой пушкинианы оказался поставленным, но отнюдь не проясненным.

Задача возможно полного описания всех иноязычных переводов, в том числе и на новогреческий, была заявлена в работе **П. Д. Драганова «Пятидесятиязычный Пушкин» (1899)**. В то же время он подчеркивает, что исчерпывающее описание источников дать невозможно, особенно за юбилейные годы, так как, во-первых, публикаций очень много и в самых разнообразных изданиях (Draganov 1899: XIII), во-вторых, и для Драганова, и для позднейших библиографов сам поиск информации о грекоязычных материалах — одна из наиболее трудоемких и нерешаемых полностью задач. Драганов, как и Межов, строит свой труд на тщательном изучении материалов Императорской публичной библиотеки, но также использует и сведения, собранные им ранее. В предисловии Драганов неоднократно подчеркивает, что он работал над своей пушкинианой 14 лет (Draganov 1899: VII, XII). Значит, сбор источников был начат им не позднее 1885 г. В это период жизни Драганов живет и работает на юге, в Севастополе и Кишиневе, часто посещает Одессу (Mikheeva 2020–2024). Возможно, именно собранные в эти годы материалы позволили ему пополнить данные Кирпичникова. В обзоре новогреческих источников Драганов повторяет сведения о работе Карафеодориса и о сборнике Дельяниса, ссылаясь на Кирпичникова и благодарит его за информацию об этих материалах. Кроме этих двух текстов, он называет еще первый по времени, как он считает, перевод полного текста пушкинского произведения на греческий. Это была «Пиковая дама» («Н δάμα τῆς λίκας»), опубликованная в 1887 г. в греческом иллюстрированном журнале «Естлерос»³⁰. Перевод был выполнен с французского, сам журнал выходил в Лейпциге (Draganov 1899: 30). Качество и особенности этого перевода Драганов никак не комментирует, как не указывает ни его автора, ни более точных выходных данных, ни источника своих сведений. Он также отмечает, что связанные с Пушкиным материалы публиковались после 1887 г. в издаваемой в Афинах газете «Акрополь» (Ἀκρόπολις), объясняя это тем, что общеевропейская волна интереса к Пушкину, вызванная 50-летием его гибели, захватила и греков. Однако никаких более детальных сведений о публикациях в газете, ни указаний о числе (хотя бы примерном) таких публикаций Драганов также не дает. Остается неясным, знакомился с этими переводами и материалами Драганов *de visu* или использовал как источник информации какие-то обзоры.

В дополнение к сведениям Кирпичникова Драганов впервые называет два важных для истории ранней новогреческой

---

³⁰ Его название Драганов переводит как «Запад».

пушкинианы имени — Вулудимоса и Феодридиса, а также отмечает, со ссылкой на газету «Народ» (1898, 8 августа), переводческую деятельность архимандрита Герасима (Дмитрия Папазафиropуло), настоятеля греческого Иверского монастыря в Москве (Draganov 1899: 32).

Таким образом, благодаря работе Драганова новогреческая пушкиниана пополнилась целым рядом имен и текстов, так что стала насчитывать 12 (по подсчетам исследователя) грекоязычных материалов, связанных с Пушкиным. Не вполне понятно, что значит это число, так как непосредственно названо было только 5 работ (статья Карафеодориса, сборник Дельяниса, перевод «Пиковой дамы», переводы Вулудимоса и перевод Феодридиса). Никаких количественных данных о деятельности арх. Герасима или публикациях в «Акрополе» Драганов не приводит. Возможно, он учитывал отдельно каждую из шести переведенных Вулудимосом поэм. Тогда суммарно получается 10 текстов, если к ним прибавить еще как одну позицию публикации в газете «Акрополь» и как еще одну — деятельность арх. Герасима, то в сумме получится 12. Однако логика так реконструированной статистики, очевидно, не беспорна. Как бы то ни было, в составленном Драгановым количественном рейтинге иноязычных пушкинских изданий переводы на новогреческий занимают 15 место среди 50 учтенных в его работе языков³¹.

Несмотря на бурное развитие пушкинской библиографии, после работы Драганова фонд сведений о греческих переводах Пушкина четверть века практически не пополнился. Как отмечал еще Межов, помимо трудоемкости библиографической работы («на такой труд не хватило бы нескольких человеческих жизней»), это прежде всего было обусловлено тем, что «не существует нигде такого центрального места, где хранились бы периодические издания целого света» (Mezhov 1886: II). Юбилеи прошли, и общая историческая ситуация и в России, и в Греции, как уже было сказано, не способствовали появлению новых переводов в первые два десятилетия XX в., а задачи по описанию только отечественных материалов были настолько объемны, что тема новогреческих переводов не поднималась. Следующая попытка комплексного описания греческой пушкинианы была предпринята

---

³¹ В первой тройке с большим отрывом идут французский (246), затем — немецкий (224), далее чешский (203), а уже потом все прочие: сербский (61), польский (57), английский (54), болгарский (53), латышский (52), итальянский (38), хорутанский (36), словенский (24), хорватский (16), шведский (16), датский (14) и, наконец, новогреческий (12), следом за которым идет с тем же количественным показателем еврейский (Draganov 1899: 4).

только в 1926 г. в работе **Ивана Ивановича Соколова (1865–1939)** «Пушкин в новогреческих переводах» (Sokolov 1926). И. И. Соколов — теолог, византист, в годы советской власти вынужденно сосредоточивший свои исследования на новогреческом языке и литературе (подробнее см. Karpuk 2005; Lebedeva, Berezkin 2016). Как и Кирпичников с Драгановым, Соколов первой значимой работой на греческом языке о Пушкине и о русской литературе называет статью Карафеодориса. В отличие от предшественников, он говорит о ней более подробно. Возможно, это связано с тем, что Соколову по его прежним изысканиям в области истории константинопольской церкви XIX в. был интересен автор из хорошо знакомой ему фанариотской среды³². Как и Драганов, он отмечает переводы Вулудимоса и Феодоридиса, дополняя сведения о них не вошедшим в обзор Драганова переводом «Евгения Онегина», тоже выполненным Вулудимосом и опубликованным в 1899 г. Поддерживая высокую оценку работы этих авторов, Соколов иллюстрирует описание их переводов довольно пространными цитатами, попутно приводя и лингвистический комментарий.

В дополнение к ранее известным сведениям Соколов называет еще два имени, стоявшие у истоков греческой пушкинианы, — Феодора Веллианитиса и Адамантия Харамиса Леросского. Это были очень ценные данные, так как работы Веллианитиса и Харамиса были опубликованы в Афинах и, как следствие, оказались мало известны в России.

В результате, к 1926 г. новогреческая пушкиниана насчитывала в сумме уже 11 источников, включающих 5 вариантов биографии поэта и не менее 14 (с изданной в лейпцигском журнале «Пиковой дамой» — 15) произведений, а так же ряд лирических стихотворений.

Еще один блок дополнений к сведениям о ранних грекоязычных текстах о Пушкине был сделан не позднее 1949 г. в работе **П. Н. Беркова и В. М. Лаврова**, постаравшихся учесть весь корпус юбилейной периодики 1886–1899 гг., прежде всего — по газетным источникам. Регистрировалась вся так или иначе относящаяся к Пушкину информация. (Berkov, Lavrov 1949: 9). Библиография имеет отдельный раздел «Иноязычный Пушкин», куда входит описание грекоязычных материалов (Berkov, Lavrov

---

³² До революции 1917 г. научные интересы И. И. Соколова были связаны с историей православной церкви. Этому вопросу посвящены обе его диссертации. Опубликованный в 1904 г. труд «Константинопольская церковь в XIX веке: Опыт исторического исследования» (Sokolov 1904) до сих пор остается одним из самых ценных исследований этой темы, не утратившим свою научную актуальность.

1949: 897–898). По установленным в XX в. принципам пушкинской библиографии, учитываются только издания, вышедшие на территории России. Поэтому данные Беркова и Лаврова и более ранние сведения взаимно дополняют друг друга. Наиболее ценен в этой библиографии учет всей информации из книжных обозрений, включая рецензии на уже известные издания или заметки о них. Так, в библиографии приведен целый ряд откликов на переводы Вулдимоса, которые были опубликованы в газетах «Русские ведомости» и «Одесские новости» в 1899 г. (Berkov, Lavrov 1949: 897–898).

Однако есть в этой работе и новые данные о грекоязычных переводах, не представленные в более ранних описаниях. С учетом этих данных нижняя граница новогреческой пушкинианы смещается к 1845 г. Со ссылкой на «Книжный вестник» 1887 г. (1 августа, № 14 и 15, стлб. 787., в разделе «Хроника») Берков и Лавров называют опубликованную в 1845 г. некую книгу на греческом «Русский писатель А. С. Пушкин». Однако уже они отмечают, что «сама книжка сегодня неизвестна» (Berkov, Lavrov 1949: 897). К новым данным относится также информация о более раннем, чем был сделан Феодоридисом, переводе «Капитанской дочки». Судя по заметке в газете «Новь», он был выполнен Веллианитисом и опубликован в Афинах 1889 г.³³ Знакомы ли были библиографы с этим переводом *de visu* или только основывались на данных книжной хроники, не ясно. Обнаружить это издание в отечественных книжных фондах на данный момент не удалось. Таким образом, и данные о посвященной Пушкину греческой книжке 1845 г., и данные о переводе «Капитанской дочки» Веллианитисом важны, но на момент написания этой статьи не имеют подтверждения.

Наконец, последняя известная нам работа, комплексно описывающая раннюю новогреческую пушкиниану, принадлежит С. Б. Ильинской (Pinskaia 1989)³⁴. Ильинская, хорошо знакомая с греческим библиотечным фондом, дополняет корпус сведений новыми данными. Во-первых, она сообщает, что в 1850 г. в издательстве «Пандора» вышел греческий перевод повести Пушкина «Метель» («Н χιονώδης θύελλα» с подзаголовком «διήγημα ῥωσικόν») без указания имени автора, с инициалами переводчика — Ν. Δ. (Pinskaia 1989: 171). Тогда можно предположить, что указанная книжка неизвестного греческого автора «Русский писатель А. С. Пушкин» 1845 г., о которой упомянуто в

³³ Книжная хроника. — Новь, 1889, 1 июня, т. XXVIII, № 15, Мозаика, X, стр. 59. — в библиографии Беркова и Лаврова под № 3962, с. 897.

³⁴ Поскольку работа Ильинской малодоступна, позволим себе процитировать приводимые ею фактические сведения.

«Книжном вестнике» 1887 г. (Berkov, Lavrov 1949: 897), сборник рассказов «некоего Дельяниса» 1847 г., о котором сообщил Кирпичников (Kirpichnikov 1887: 34), и переводчик «Метели» с инициалами N. Δ. — одно лицо. Разумеется, это только гипотеза. В пользу ее можно привести два аргумента — близость дат публикации всех трех текстов и совпадение инициала и имени. Доказательность этих аргументов невелика. Однако предположение, что на рубеже 1840–1850-х гг. было несколько греков, писавших о Пушкине и переводивших его тексты, выглядит еще менее вероятным.

В 1852 г. в издательстве «Пандора» («Πανδώρα»), благодаря которому появился и греческий перевод Карамзина) вышла «Краткая заметка о выдающихся русских поэтах и прозаиках» (Σύντομος σημείωσις τῶν ἐξοχοτέρων τῆς Ῥωσίας ποιητῶν τε καὶ πεζογράφων). Ее автор — И. Де Кигаллас (I. Δε Κιγάλλας или Δεκτιγάλλας), врач с острова Фера (Санторини). Он дает обзор русской литературы начиная с XVII в. и доходит до середины XIX в., особо выделяет Пушкина, Лермонтова и Гоголя, называя их «триумvirат <...> русской поэзии» («...τὴν τριανδρίαν <...> τῆς Ῥωσικῆς ποιήσεως»), а также Островского, Тургенева и Гончарова (цит. по Pinskaia 1989: 169).

Далее, на рубеже 1870–1880-х гг. Ильинская отмечает появление целого ряда текстов, развивающих тему филэллинства Пушкина. Называет знаковый, еще более ранний, чем выполненный Веллианитисом, перевод в 1883 г. «Капитанской дочки» Н. Г. Политисом (N. Γ. Πολίτης), опубликованный в издательстве «Эстия» («Ἐστία»)³⁵, и неизвестный ранее перевод 1886 г. повести «Дубровский» («Δουβρόβσκις»), выполненный П. Аксиотисом (Π. Ἀξιώτης) (Pinskaia 1989: 180). Кроме того, Ильинская также упоминает известные уже по предыдущим описаниям имена Харамίса, Вулодимоса и Феодоридиса.

Итак, по известным на сегодняшний день данным дореволюционная новогреческая пушкиниана включает в себя в сумме 20 источников, разнородных по типу и составу. Это как отдельные издания пушкинских текстов, так и сборники, или просто издания, где публиковались материалы, связанные с Пушкиным, или только

³⁵ Снова на уровне гипотезы можно предположить, так как инициалы и имя полностью совпадают, что автор этого перевода — тот самый Н. Г. Политис (1852–1921), известный ученый, основоположник греческой фольклористики.

имя автора-переводчика. Из всех источников подтверждены и доступны для изучения менее половины³⁶.

- 1845:** Б/п. «Русский писатель А. С. Пушкин» — Книжный вестник. 1887. 1 августа, №№ 14 и 15, стлб. 787. Раздел «Хроника» (Berkov, Lavrov 1949: 897 [№ 3961]). Не позднее 1949 г. Информации о наличии экземпляров издания нет.
- 1847:** Дельянис. <Рассказ о дуэли и смерти Пушкина>. Сб. «Рассказы» («Διηγήματα»). Одесса — (Kirichnikov 1887). На сегодня информации о наличии экземпляров издания нет.
- 1850:** Н. Д. (пер.). «Метель». Афины (без указания автора оригинального текста) — (Pinskaia 1989).
- 1852:** И. Де Кигаллас. «Краткая заметка о выдающихся русских поэтах и прозаиках». Афины — (Pinskaia 1989).
- до 1870:** Периодическая печать Константинополя и Афин. Небольшие сообщения и заметки о русской литературе, в том числе — о Пушкине, иногда сопровождаемые переводами его стихотворений — (Sokolov 1926; Pinskaia 1989). Более детальной информации нет.
- 1870:** Стефан Карафеодорис. «О русской литературе». Константинопольский греческий филологический журнал. Константинополь — (Kirichnikov 1887; Draganov 1899; Sokolov 1926).
- 1879:** К. А. Палеологос, из Одессы (пер.). «Изучение русского поэта Пушкина как филэллина». Афины — (Pinskaia 1989).
- 1883:** Н. Г. Политис (пер.). «Капитанская дочка». Афины — (Pinskaia 1989).
- 1886:** Феодор Веллианитис. «Александр Пушкин». Аттический календарь. Афина — (Sokolov 1926).
П. Аксиотис (пер.). «Дубровский» — (Pinskaia 1989).
- 1887:** Б/п (?). «Пиковая дама». Запад (Ἐσπερός). Лейпциг — (Draganov 1899). На данный момент иных подтверждений о наличии этого издания обнаружить не удалось.
- <1887–1899>:** Материалы в газете «Акрополь» (Ἀκρόπολις) — (Draganov 1899). Без детализации. На данный момент иных подтверждений о наличии таких публикаций не установлено.

---

³⁶ С. Б. Ильинская вела семинар со студентами Университета Иоаннины и материалы, безусловно, обсуждались в аудитории, что позволяет думать, что она знакомилась со всеми источниками de visu.

- 1887:** Заметка «Каподистрия и Пушкин». Газета «Евдомада» («Εβδομάδα» ‘неделя’) — «Русская старина». Афины и Санкт-Петербург — (Ilinskaya 1989).
Адамантий Харамίς Леросский (пер.). Пушкин. Избранное. Биография Пушкина. 6 произведений (Цыганы, Братья-разбойники, Скупой рыцарь, Каменный гость, Борис Годунов, Русалка, драма) + лирика. Афины — (Sokolov 1926; Ilinskaya 1989).
- 1888:** Харлампы Вулодимос (пер.). Поэмы. 6 произведений (Руслан и Людмила, Кавказский пленник, Цыганы, Бахчисарайский фонтан, Полтава, Медный всадник). Одесса — (Draganov 1899; Sokolov 1926).
- 1889:** Феодор Веллианитис (пер.). «Капитанская дочка». Афины — (Berkov, Lavrov 1949).
- 1893:** Николаос Феодоридис (пер.). «Капитанская дочка». Одесса — (Draganov 1899; Sokolov 1926).
- <**1898**>: архимандрит о. Герасим (Дмитрий) Папазафиropуло, настоятель греческого Иверского монастыря в Москве. Переводческая деятельность — Источник данных: Народ, газ. 1898. 8 августа (Draganov 1899).
- 1899:** Харлампы Вулодимос (пер.). «Евгений Онегин». Афины — (Sokolov 1926).
- Рецензии на переводы Х. Вулодимоса: Харалампьев И. Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1899. 5 мая, № 122, с. 4. О двух переводах Пушкина на новогреческий язык, сделанных в Одессе Х. И. Вулодимо. Перевод поэм Пушкина, изданных в Одессе в 1888 г., и второй перевод «Онегина», изданный в Афинах в текущем году. Поправка: Метакса В. Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1899, 28 мая, № 145, с. 5; Метакса В. Пушкин на греческом языке // Одесские новости. 1899, 7 апреля, № 4591, с. 3. Рецензия на перевод А. Харамίса: П~ти М. Первый греческий переводчик Пушкина // Приазовский край. 1899, 13 сентября, № 240, с. 3. (Маленький фельетон) — (Berkov, Lavrov 1949).

Персоналии и линии развития

Даже предварительный обзор сохранившихся или известных только по комментариям и пересказам новогреческих текстов дает интересную картину. На первый взгляд, она очень пестрая и разнородная. Но в целом в ней прослеживается закономерное движение от косвенных и опосредованных данных о Пушкине к адекватному представлению сведений о его жизни и творчестве, к корректному переводу его текстов. Однако, помимо этой очевид-

ной линии, корпус ранней новогреческой пушкинианы позволяет сделать и другие наблюдения.

Во-первых, наиболее обстоятельные суждения об особенностях раннего новогреческого корпуса пушкинских текстов и о его значении принадлежат Соколову. Это вполне закономерно. Поскольку его работа создавалась в 1926 г., он уже, в отличие от Кирпичникова и Драганова, был знаком практически со всеми новогреческими переводами и текстами о Пушкине. Кроме того, также в отличие от предшественников, его работа по своей задаче была непосредственно связана с аналитическим обзором новогреческих материалов. Фактически, только она содержит помимо библиографической информации элементы лингвистического анализа новогреческой пушкинианы и некоторые комментарии художественных особенностей разных переводов. Тем самым задача филологического (в разных аспектах) изучения этих текстов в работе Соколова была поставлена. Однако практически за столетие, прошедшее со времени ее публикации, не было предпринято никаких шагов для ее решения.

Во-вторых, при всей пестроте в раннем корпусе новогреческого Пушкина можно выделить два вектора, обусловленные прагматикой перевода, его предполагаемой («целевой») аудиторией. Тексты, тяготеющие к одному из них, стремятся создать «интересного» Пушкина — так рассказать о его биографии и предложить переводы таких произведений, которые максимально бы привлекли внимание читателей. Тексты, тяготеющие к другому вектору, объединяются задачами академического плана — лингвистическими, герменевтическими, в их основе лежит поиск языковых, эстетических эквивалентов между пушкинским миром и миром греческой культуры. Конечная цель подобных устремлений выходит далеко за пределы конкретных стилистических решений и связана с пониманием и обустройством культурного космоса, в котором взаимодействие на уровне слова всегда мифогенно и призвано устанавливать диалог в бахтинском смысле слова. Количественно эта группа текстов значительно уступает первой, что предсказуемо и понятно, однако в филологическом плане она вызывает наибольший интерес. Вместе с тем, как представляется, для характеристики общей картины рецептивного поля наиболее интересно сочетание этих двух групп, рассмотрение каждой из их в проекции на другую, а также контекстной ситуации — условий, сопутствующих появлению конкретных текстов. На данном этапе о контекстной ситуации можно судить, опираясь прежде всего на биографические сведения об авторе того или иного перевода.

Основные черты греческого «академического» Пушкина мало отличаются от иных «академических» версий и прочерчиваются уже в работе Карафеодориса. Ее автор — константинопольский ученый, дипломат, литератор, принадлежал к известной фанариот-

ской семье³⁷. Статья была опубликована в серьезном научном константинопольском издании — «Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος: σύγγραμμα περιοδικόν». Центральная часть статьи посвящена Пушкину (Karatheodoris 1870–1871: 69–73). Как было отмечено ранее, еще Кирпичников давал работе Карафеодориса высокую оценку (Kirpichnikov 1887: 34). Драганов повторяет, практически, дословно, и данную Кирпичниковым оценку самого Карафеодориса, и его труда (Draganov 1899: 29). Соколов тоже хвалит работу, подчеркивая, что она отличается «обстоятельностью своего содержания» (Sokolov 1926: 188), выполнена «с большим мастерством» (Sokolov 1926: 189). Вместе с тем вполне вероятно, что несмотря на схожесть, оценки всех трех исследователей строятся на независимом друг от друга мнении. Нельзя исключить, что даже Драганов, хотя и указывал, что обязан Кирпичникову знакомством с работой Карафеодориса, знал о ней не только из «вторых рук»³⁸. На это указывает ряд

³⁷ Стефан Карафеодорис (Στέφανος Καραθεοδωρής, 1834/36–1907) — юрист, дипломат, ученый, литератор. Его сын Константин Карафеодорис (Κωνσταντῖνος Καραθεοδωρής) стал знаменитым математиком. Другие наиболее известные члены семьи Карафеодорис — Стефан Карафеодорис (1789–1867), ученый, философ и богослов, литератор, личный врач турецких султанов Махмуда II и Абдул Меджита; Александр Карафеодорис — политический деятель, дипломат, глава управления иностранными делами Османской империи, представлял ее интересы на Константинопольской конференции (декабрь 1876 – январь 1877), при заключении Сан-Стефанского мира, на Берлинском конгрессе (1878 г.), был одним из делегатов Порты и подписал заключительные акты договора 13 июня 1878 г.

³⁸ Сведений о том, что это издание было Императорской публичной библиотеке, материалами которой Драганов пользовался для составления своей библиографии, обнаружить не удалось. Однако нельзя исключить, что он мог быть знаком с этим изданием в годы своей учебы в гимназии (Кишинев — в 1875–1877 гг., Харьков — в 1877–1880 гг.) или в Харьковском университете (1880–1882), работы в Салониках (1885–1887); о биографии Драганова см. (Mikheeva 2020–2024). Возможно, константинопольский журнал был в Одесской городской публичной библиотеке, которую Драганов не раз посещал за годы работы в Севастополе и в Кишиневе (1887–1895) (Draganov 1899: IX). Возможно также, что он имел о ней дополнительные сведения от самого Кирпичникова, учитывая, что в те же годы, когда Драганов служит на юге, Кирпичников занимает кафедру всеобщей литературы в Новороссийском университете (1885–1893), так что встречи и беседы двух страстных библиофилов весьма вероятны.

мелких замечаний, а также сведения, отсутствующие у Кирпичникова, но приводимые Драгановым. К ним относится упоминание о наличии подзаголовка у пушкинской части статьи.³⁹ Затем Драганов уточняет, что текст статьи представляет собой доклад, прочитанный на ССLXXXIV заседании «Константинопольского Литературного Общества» в 1870 г. Приводит и перечень пушкинских произведений, о которых идет речь в работе Карафеодориса, и цитаты из которых в фрагментарном переводе приведены в статье. Так же Драганов указывает греческие варианты названий упоминаемых в статье пушкинских произведений.

Еще Кирпичников отмечал, что в работе Карафеодориса есть неточности и построена она на вторичных источниках — «на внимательном чтении переводов»⁴⁰ (Kirpichnikov 1887: 34).

Знакомство Драганова с работами Карафеодориса подтверждает и тот факт, что в своей работе «Пятидесятиязычный Пушкин» он, указывая на пробелы в посвященной Л. Н. Толстому библиографии Ф. Булгакова «Граф Л. Н. Толстой и критика его произведений русская и иностранная», пишет: «эта книга ничего не дает нам о подобных же переводах и изучениях произведений графа Л. Н. Толстова в маленьких провинциальных заграничных литературах, где именно — *pota bene*, — *впервые* (разрядка Драганова — *И. В., М. К.*) и началось изучение произведений автора грандиозной эпопеи “Война и мир”. См. об этом 1-е примечание на 29 стр. настоящей брошюры». Вот это примечание: «Это тот самый грек Карафеодори, который в ряду 40 языков — народов, переведивших и ценивших графа Л. Н. Толстого, опередил их всех, поставив на первое место по времени греков (в 1870 г.)» (Draganov 1899: 29). Оценкам Драганова свойственна субъективность и эмоциональность, о чем говорит текст предисловия к «Пятидесятиязычному Пушкину», тем не менее, в данном случае, нам важен сам факт знакомства Драганова с работами Карафеодориса. Еще одно косвенно свидетельство знакомства Драганов с семьей Карафеодорис — его служба в Салониках, где Драганов занимал должность учителя церк.-слав. и ст.-болг. яз. и всеобщей истории в Солунской Кирилло-Мефодиевской мужской гимназии (Салоники, Македония) по приглашению Учебного попечительства Константинопольского экзархата.

³⁹ «...половина этой статьи посвящена Пушкину и носит частное заглавие «Αλέξανδρος Πούσκη» (Draganov 1899: 29).

⁴⁰ Переводы, которые использовал Карафеодорис, ни одним из исследователей не названы, хотя их с довольно высокой долей вероятности можно установить. Использование французских переводов очевидно, так как Карафеодорис в доказательство своих суждений о Пушкине приводит развернутые франкоязычные цитаты из пушкинских произведений.

Несмотря на опосредованное знакомство автора с произведениями Пушкина, все исследователи отмечают в целом адекватное изложение событий жизни Пушкина и характеристику его произведений: суждения Карафеодориса «как о деятельности Пушкина в целом, так и об отдельных его произведениях <...> если не всегда верны, то всегда интересны; он рассматривает Пушкина главным образом как национально-русского социального поэта» (Kirichnikov 1887: 34), Карафеодорис «в общем правильно оценивает значение Пушкина и содержит довольно точный перевод на новогреческий литературный язык отрывков из различных его произведений» (Sokolov 1926: 189).

В работе Карафеодориса Пушкин характеризуется как первый поэт России: «наиболее знаменитый из русских поэтов (ἐνδοξώτερος τῶν ῥώσων ποιητῶν)», автор «бессмертных» (ἀθάνατα)» произведений, создавших «золотой век» в русской литературе (Karatheodoris 1870–1871: 69). По сути, статья Карафеодориса знакомит грекоязычного читателя с наиболее распространенной в русскоязычной культуре официальной версией образа Пушкина, которая еще лишена каких-либо специфичных для греческой рецепции акцентов. Это своего рода рекомендательное представление, предваряющее собственно диалог. Его задача — обратить внимание, заинтересовать. Примечательно, что статья Карафеодориса вызвала большой отклик в греческом обществе (Sokolov 1926: 188), а это значит, что свою главную задачу она выполнила. Хотя Соколов и не приводит конкретные примеры откликов на статью Карафеодориса, существенным аргументом в пользу неформального значения фразы о «большом интересе» служит сама личность исследователя. В работе иного автора такая фраза могла бы оказаться просто формальным отзывом. Однако в случае Соколова есть все основания полагать, что за ней стоит представление автора о реальной ситуации. Занимаясь историей греческой церкви, Соколов хорошо знал дореволюционную культурную жизнь Константинополя и Афин, не раз подолгу жил и работал в библиотеках этих городов, так что его слова вполне могут служить достоверным свидетельством о реальном отношении греческой ученой и культурной элиты к работе Карафеодориса, поскольку с этой элитой Соколов был знаком непосредственно.

Продолжением академической линии в переводах Пушкина можно считать работу **Адамантия Харамиса (1830–1885)**. Перевод Харамиса стал результатом многолетнего подвижнического труда. Он вышел в 1887 г., через 15 лет после публикации работы Карафеодориса. Это довольно большой срок, достаточный для смены поколений, что, отчасти, обусловили трудности восприятия предлагаемых текстов — Харамису во многом предстояло заново объяснять читателям, чем интересны и примечательны

произведения Пушкина. Но дело не только во временной паузе. Перевод был опубликован в Афинах, сведений о тираже у нас нет⁴¹. Но, в любом случае, адресная аудитория этого перевода шире фанариотского сообщества Константинополя и ученой среды Афин. Круг потенциальных читателей, на которых рассчитан труд Харамиса, не ограничивается учеными и литераторами — хотя бы потому, что это сборник переводов художественных произведений, а не статья в научном журнале. В то же время «академический» компонент играет в переводах Харамиса значительную роль.

В отличие от Карафеодориса, переводы Харамиса построены на непосредственном чтении оригинальных произведений Пушкина. Харамис многие годы прожил в России, хорошо знал русский язык⁴². Эти обстоятельства создавали предпосылки для выражения в его переводах авторской версии пушкинского творчества. На наш взгляд, это действительно так. Однако характеристика такой авторской версии неизбежно будет содержать оговорки, поскольку Харамис не успел полностью воплотить задуманное. Он умер в 1885 г., до публикации своих переводов. Со слов его друга К. Несторидиса, готовившего тексты к изданию, известно, что Харамис собирался перевести все произведения Пушкина. Насколько ему удалось реализовать свой замысел — неизвестно, так как сведений о судьбе его рукописей нет (Sokolov 1926: 192). Отсутствие зафиксированных свидетельств авторской воли рождает ряд закономерных вопросов о том, в какой степени существующее издание отражает авторскую концепцию. Так, например, в томе переводов представлены следующие пушкинские тексты: «Цыганы», «Скупой рыцарь», «Желание славы», «Ех ungue leonem (На Каченовского)», «К ней», «Утопленник», «Я помню чудное мгновенье...», «Родриг», «Русалка» (баллада), «Деревня», «Русалка» (драма), «Приметы (А. А. Олениной)», «Красавица (В альбом Н. Н. Гончаровой)», «Борис Годунов», «Братья-разбойники», «Каменный гость». Учитывая нестандартный набор произведений, включенных в состав опубликованного тома, не ясно, является ли эта выборка результатом осознанной работы Харамиса или в состав тома вошли те переводы, которые по тем или иным соображениям решил включить в него Несторидис, по его собст-

---

⁴¹ На сегодняшний день том пушкинских произведений в переводе А. Харамиса представляет собой библиографическую редкость. Так, напр., экземпляр этого издания был в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), но он утрачен не позднее 1987 г.

⁴² Краткие сведения о биографии А. Харамиса и об обстоятельствах подготовки издания изложены в предисловии, написанном Константином Несторидисом, другом переводчика (Pushkin 1887: I–XII).

венному признанию, русского языка не знавший. Нет сведений и о том, какими изданиями пушкинских текстов Харамис пользовался. Хотя на основании присутствия в томе эпиграммы на Каченовского с указанием ее адресата, очевидно, что Харамис был знаком с собранием сочинений П. А. Ефремова, поскольку именно в подготовленных им изданиях 1880–1881 и 1882 гг. имя адресата дано после латинского названия (Pushkin 1880: 25; 1882: 18). Ни в прижизненной публикации, ни в собраниях сочинений Пушкина, подготовленных В. А. Жуковским (Pushkin 1838: 233), П. В. Анненковым (Pushkin 1855: 407), Г. Н. Геннади (Pushkin 1859: 348, 1870: 330) указания на Каченовского не было, текст эпиграммы имел только латинское название — «*Ex ungue leonem*».

Также невозможно сказать, выступал ли Несторидис только составителем тома или вносил в переводы редакторскую правку. Тем не менее, несмотря на все вопросы и неясности, опубликованный том переводов Харамиса все же позволяет, как представляется, выделить принципиальные черты его авторского замысла.

Переводы Харамиса — первый для новогреческого опыт переложения на новогреческий пушкинских произведений не прозой, а стихами⁴³. Несмотря на непроясненность установок, лежащих в основании перевода, нет сомнений, что Харамис тщательно подыскивал форму и стилистические аналоги в новогреческом для передачи пушкинских текстов. Это видно даже из примеров параллельных фрагментов, приведенных в статье Соколова. Будучи убежденным последователем Адамантия Кораиса⁴⁴, Харамис отнесся к работе с филологической пристрастностью. Перевод не сводился для него к пересказу содержания пушкинских произведений, но был вопросом лингвистическим и эстетическим. Для новогреческого текста Харамис использует т. н. смешанный язык (*μικτή διάλεκτος*), представляющий сочетание кафаревусы и димотики. Соколов выдвинул гипотезу, что выбор того или иного языкового варианта ориентирован на специфику конкретного пушкинского произведения (Sokolov 1926: 191). На

⁴³ Соколов даже считает, что работа Харамиса «выдвигает на очередь вопрос о новогреческом стихосложении в связи с влиянием Пушкина, так как переводчик стремился усвоить и технику стиха русского поэта» (Sokolov 1926: 194).

⁴⁴ Адамантий Кораис (1748–1833) — известный просветитель, выступавший за «очищение» греческого языка от любых крайностей — ярко выраженных древнегреческих архаизмов, с одной стороны, и диалектизмов, турцизмов и просторечия, с другой. Предложенный им языковой вариант стал известен как «средний путь» (*μέση ὁδός*) или кафаревуса (*καθαρεύουσα*, букв. ‘очищенная’). Подробнее о Кораисе см. (Mackridge 2009: 102–125).

первый взгляд, это так. Однако для аргументированного подтверждения данного тезиса требуется детальное исследование. В частности, важно выяснить, есть ли корреляция между языковыми регистрами и жанровыми характеристиками текстов. Можно предложить для изучения стилистической стратегии Харамίса и другую параллель: как известно, варьированное использование литературного языка и народной речи характерно для творчества Н. С. Лескова, публикация наиболее ярких произведений которого приходится как раз на годы работы Харамίса над своими переводами. На данный момент никаких свидетельств, что Харамίс был знаком с творчеством этого русского писателя, нет. Однако факт интереса Харамίса к современной ему русской литературе и хорошее ее знание вряд ли можно поставить под сомнение.

Филологический подход Харамίса к слову проявляется на всех уровнях. Продемонстрируем это на нескольких примерах в табл. 1. Так, показательно, что он предлагает иные, чем у Карафеодориса, варианты перевода названий пушкинских произведений или иной графический вариант передачи русского имени.

Табл. 1. Греческие переводы названий произведений Пушкина
Table 1. The titles of Pushkin's oeuvres in Greek

Оригинал	Карафеодорис	Харамίс
Цыганы	Ἀθίγγανοι	Οἱ τσίγγανοι
Братья-разбойники	Ἀδελφοὶ κλέπται	Ἀδελφοὶ λησται
Борис Годунов	Βορίς Γοδουνῶβ	Βορίης Γοδουνῶβ

Даже из примеров, приведенных в табл. 1, видно, что Харамίс стремится использовать вариант новогреческого, наиболее приближенный к разговорному, вероятно, желая отчасти передать то, как язык Пушкина воспринимается русскими читателями.

Итак, если своеобразие работы Карафеодориса проявляется в тяготении к академическому энциклопедизму, в доверии авторитетным источникам, то перевод Харамίса отличает своего рода «академический филологизм». Вполне вероятно, что именно акцентированная филологичность сказалась на его качестве. Так, Соколов, отдавая должное таланту и усердию Харамίса, в то же время отмечает допущенные в греческом переводе «несовершенства», деликатно сетует, что преждевременная смерть не позволила сделать греческий текст «более гладким, простым и понятным» (Sokolov 1926: 191). Более жесткий и точный вариант критики перевода Харамίса был опубликован в 1899 г. без указания полного имени автора. Рецензия имела подзаголовок «Маленький фельетон» и высмеивала излишнюю, по мнению

автора, сложность и запутанность перевода⁴⁵. Независимо от модуся оценки, важно подчеркнуть, что рецензия вышла в России спустя 12 лет после публикации в Афинах перевода Харамиса. А это говорит о том, что данный перевод, несмотря на критику, был известен и востребован.

Склонность Харамиса к «академическому филологизму» находит обоснование в его биографии. Он родился и получил образование на Леросе. Окончил Афинский университет. Был приглашен в Россию, в Таганрог, домашним учителем в богатую греческую купеческую семью, заведовал общественной греческой школой⁴⁶. Однако для выявления своеобразия фигуры Харамиса этих кратких сведений, указанных в предисловии, недостаточно. Проведенные нами разыскания позволили установить, что Харамис принадлежал к одной из знаменитых фамилий Лероса. Неслучайно он прибавлял к своему имени указание «Леросский» (именно такой вариант написания имени — Ἀδαμάντιος Χαράμις Λερῖος — стоит и на титуле издания 1887 г.). Приведем несколько фактов из истории этой семьи. Фамилия Харамис появилась на Леросе в 1821 г. Жители острова поддержали греческую революцию, и с 1821 по 1831 г. Лерос находился под патронажем греческого правительства. Как удалось установить на основании труда Дионисия Иконопопулоса (Διονύσιος Οἰκονομόπουλος) «О Леросе» («Λεριακά», 1888), посвященного истории острова, Харамис⁴⁷ был направлен на Лерос правительством Иоанна Каподистрии для управления экономическими вопросами. Когда в 1832 г. по Лондонскому договору остров снова отошел Османской империи, Харамис не вернулся в Грецию вместе с другими представителями греческого правительства, а полулегально остался на острове, так как женился на единственной дочери из местного семейства Николарос (Νικολάρος) (Οἰκονομοπούλου 1888: 63–64). Пока не удалось выяснить, насколько близок был старший Харамис Каподистрии, но не исключено, что эта страница его

---

⁴⁵ П-ти М. Первый греческий переводчик Пушкина // Приазовский край. 1899, 13 сентября, № 240, с. 3; приводится по (Berkov, Lavrov 1949: 898).

⁴⁶ Факт заведования Харамисом греческой школой, о которой говорит Несторидис, требует подтверждения. В обширной чеховской мемуаристике, связанной с греческой школой Таганрога, где начинали свое обучение А. П. Чехов и его братья, никаких сведений об А. Харамисе не встречается. Нет подтверждения этому факту и в ряде известных работ по истории города (Filevsky 1898; Gavryushkin 2000).

⁴⁷ Судя по всему, имеется в виду отец Адамантия, так как никаких сведений о других Харамисах старшего поколения, которые могли бы состоять в родстве с Адамантием, в источниках не встречается.

биографии оказала влияние на судьбу его сыновей. Так, известно, что грек И. А. Скараманга⁴⁸, у которого в Таганроге Адамантий Харамис стал домашним учителем, был родом с Сироса (Gavryushkin 2000: 123–124). В ходе попытки Екатерины II реализовать «греческий проект» этот остров в 1771–1774 гг. во время Первой Архипелагской экспедиции перешел в юрисдикцию России⁴⁹ и служил провиантским магазином для русского флота. Известно, что после окончания войны с Турцией Екатерина II щедро одаривала землями в Приазовье греков, поддержавших в ходе войны Россию, а теперь искавших ее покровительства (Filevsky 1898: 86–110). Позднее, в годы революции 1821–1829 Сирос принимал беженцев из островной Греции, остававшейся под властью Османской империи, в 1830 г. вошел в состав независимого греческого государства. Учитывая историю Сироса, можно предположить, что семья Скараманга оказалась в Таганроге не случайно и что с Россией прямо или косвенно (через родственников и знакомых) у нее были давние отношения. Тогда не исключено, что и в появлении Харамиса в семье Скараманга в

---

⁴⁸ По всей вероятности, Харамис был домашним учителем детей Ивана Амвросиевича Скараманга (Σκαράμανγκας Ιωάννης Αμβροσίου, 1820–1902 — одного из самых богатых людей Таганрога во второй половине XIX в., греческого купца, судовладельца, владельца таганрогского кирпичного завода, кожевенного завода и одного из учредителей Азовско-Донского банка, главы торгового дома Скараманга и К^о, почетного гражданина Таганрога (1890 г.) и бельгийского консула (1874 г.) в Таганроге. У него было три сына — Амвросий (1861–?), Михаил (1862–1916) и Пантелеймон (1870–?), и три дочери — Елизавета (1865–?), Мария (1866–?), Виргиния (1879–?) (Nazarenko 2008; Gavryushkin 2000: 123–124). Семья была известна не только своим богатством, но и благотворительностью. Легендарный историк Таганрога второй пол. XIX – первой пол. XX вв. П. П. Филевский подчеркивает как отличительную черту этой семьи ее открытость к русским культурным традициям: «Семья Скараманга принадлежит к тем старинным греческим фамилиям, которые сжились с Россией и не знают сепаратизма, который, к сожалению, у других греков существует настолько, что они его даже в церковный обиход вносят, забывая, что Россия для них родина и политически, и нравственно, и русский царь и только русский царь для них источник закона и благополучия» (Filevsky 1916). Разумеется, приписывать влиянию Харамиса лояльное отношение Скараманга к культуре метрополии нет оснований, но подвижнический труд домашнего учителя по переводу произведений Пушкина вполне коррелирует с характеристикой Филевского.

⁴⁹ В 1775 г. Сирос был возвращен Османской империи, после того как «греческий проект» потерпел неудачу.

качестве учителя тоже в той или иной степени мог присутствовать «русский след». Иначе трудно объяснить, почему получивший очень хорошее образование молодой человек из вполне обеспеченной семьи отправляется домашним учителем в Таганрог. Наконец, есть еще одно косвенное свидетельство в пользу гипотезы о русофильских настроениях Харамисов. Беря на себя расходы по изданию переводов брата, Николаос Харамис пишет на титуле, что издание осуществляется им из патриотических соображений «в пользу филантропических заведений на Леросе» и посвящает его греческой царице Ольге (урожденной Ольге Константиновне Романовой). Это посвящение учитывает сразу два амплуа Ольги Константиновны. За годы пребывания в Греции у нее сложилась устойчивая репутация покровительницы моряков, ее как дочь Вел. кн. Константина Николаевича, прошедшего в 1860-е годы реформу флота, даже называли «матушкой российского флота», а Харамис был судовладельцем. Но второе амплуа более существенно. С фигурой Ольги Константиновны была связана очередная волна упований на сближение России и Греции, и, хотя в отличие от благотворительной деятельности с политикой царица не была связана, русская партия в Греция считала ее одним из своих главных представителей. Ее даже называли «королевой эллинов», подчеркивая тем самым, что в фигуре Ольги как бы уже произошло то соединение русского и греческого миров, на которое надеялись сторонники такого сближения (Garshin 1937). Одна из приоритетных задач русской партии Греции была связана с переходом под ее власть территорий, все еще находящихся у турок. Лерос как раз был таким островом. Возвращенный, несмотря на протесты жителей, в 1832 г. под патронаж Османской империи, он смог вернуться в состав греческого государства только в 1947 г.

Еще один известный факт из биографии Николаоса Харамиса тоже весьма красноречиво свидетельствует об умонастроениях этой семьи. В 1882 г. в разгар восстания в Египте, когда патриарх Александрийский Софроний IV⁵⁰ вынужден был покинуть свою резиденцию, Николаос Харамис пригласил его посетить свой дом на Леросе. Софроний так был доволен гостеприимством, что решил построить на острове летнюю патриаршую резиденцию. Руководить строительством он поручил Н. Харамису. К 1884 г. работы были завершены, с этого времени и до конца жизни

---

⁵⁰ Софроний IV Александрийский избран на патриарший пост Александрии с 1870 по 1889 гг., его кандидатура получила одобрение всех патриархатов (Константинопольского, Иерусалимского и Александрийского), а также российского посла в Константинополе (подробнее см. Petrunina et. al. 2020: 103–106).

именно в этой резиденции Софроний проводил каждое лето. В честь этого события на Леросе была установлена памятная доска⁵¹.

В свете истории семьи Харамисов отъезд Адамантия в Россию на должность домашнего учителя в дом известной фамилии с острова Сирос, увлечение творчеством Пушкина и подвижнический труд по переводу его произведений получают яркие дополнительные акценты.

Наконец, удалось найти документальное подтверждение обширным знаниям А. Харамиса в области древней литературы и новых европейских литератур. Об этом свидетельствует каталог его библиотеки. Он приведен в вышеупомянутой книге Икономопулоса. Нет сомнений, что речь идет именно о том самом А. Харамисе, переводчике Пушкина, так как в этом каталоге указано несколько русскоязычных изданий⁵². Каталог насчитывает 309 позиций только печатных книг и рукописей (Oikonomopoulos 1888: 200–210), авторские материалы в него не включены. Перечислены только книги на основных европейских и на древних языках. Не исключено, что и следы рукописей Харамиса, и его неопубликованные переводы стоит искать на Леросе. К сожалению, каталог не содержит точного библиографического описания изданий: нет указания ни выходных данных, ни дат публикации. Так что только на основании каталога установить, какое издание пушкинских текстов было в библиотеке Харамиса, не представляется возможным, что не отменяет факта знакомства с изданием П. А. Ефремова, которое с начала 1880-х гг. широко использовалось. Изучение библиотеки помогло бы лучше понять генезис и основания принципа «академического филологизма», реализованного Харамисом в переводах пушкинских текстов, а также, не исключено, позволило бы установить конкретные издания, которыми переводчик пользовался. Детальный анализ переводов и дальнейшее выяснение подробностей семейной истории Харамисов и Скараманга позволит, как представляется, дать аргументированный ответ на вопрос о выборе произведений для перевода.

---

⁵¹ <https://atheatileros.com/patriarkhs-alexandriais> (дата обращения 23.04.2024).

⁵² Под № 251 в каталоге указано русскоязычное издание Пушкина (Oikonomopoulos 1888: 205), есть также русскоязычные сборники Лермонтова (№ 176), Некрасова (№ 196) и «История государства российского» Н. М. Карамзина в переводе на греческий (№ 77) (Oikonomopoulos 1888: 206, 207, 202). Из предисловия Несторидиса мы знаем, что в конце жизни Адамантий вернулся на Лерос, где и умер в 1885 г. Он подарил (или завещал?) свое книжное собрание родному городу. Собрание Харамиса положило начало муниципальной библиотеке (Oikonomopoulos 1888: 188).

Но уже сейчас ясно, что перевод Харамиса во всех смыслах не был случайным. За ним стоит переплетение важных для греческого мира традиций — научной (филологической), мировоззренческой, политической, наконец, семейной истории. Перевод Харамиса, при всех его странностях и неудачах, — это поиск *своего* Пушкина, в котором, как в судьбе самого Харамиса, отражалась бы встреча двух культур.

Закономерно, что «академическая» линия Карафеодориса и Харамиса имела свой противоположный полюс в массовой культуре. Крайним ее выражением был травестийный образ Пушкин, представленный рядом текстов. В качестве примера назовем уже упоминавшийся ранее неизвестный сегодня сборник Дельяниса. В него включен рассказ о дуэли и смерти Пушкина, где автор очень вольно излагает события, не скупясь на прибавление эффектных подробностей. Дантес (названный Антисом), оказывается, по выражению Кирпичникова, читавшего этот текст, «жертвою истинно восточной страсти, которую он тщетно старался потушить браком со свояченицей поэта», Пушкин изображен «ревнивцем тоже восточного пошиба». В повествование включены два выдуманных письма Антиса к жене Пушкина, приведены якобы «подлинные» речи самого поэта, составленные при этом «по всем правилам греческой риторики» (Kirpichnikov 1887: 34). Близки по духу этому тексту известные в конце века итальянские драмы о жизни Пушкина П. Косса и В. Каррера, где и состав персонажей, и перипетии событий достойны мексиканского сериала конца XX в.⁵³, или записанный В. Бильбасовым, якобы со слов кн. А. В. Трубецкого, «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу», где Пушкин мазал губы сажей, чтобы уличить неверную жену⁵⁴. В этих и других подобных им историях Пушкин — просто условное имя персонажа. Так, в рассказе Дельяниса Пушкин назван историком (Kirpichnikov 1887: 34). В опубликованном в 1859 г. рассказе К. А. Тимофеева о посещении Михайловского приведена запись беседы с местным мальчиком, который назвал Пушкина генералом⁵⁵. Литераторство Пушкина не имеет в этом

⁵³ См.: Каррера, В. Александр Пушкин. Драма в 3-х действиях, с прологом. Косса, П. Пушкин. Драма в 4-х действиях. Перев. с итальянского К. и Э. Д. С.-Пб., 1900. См. о них (Grin 1961: 466–469).

⁵⁴ Русская Старина, 1901, кн. II, с. 257–262.

⁵⁵ «Через монастырские ворота вышли мы на почтовую дорогу (автор и его друг идут из Святогорского монастыря, от могилы Пушкина в Михайловское, взяли крестьянского мальчика в провожатые — И. В., М. К.) и, проходя мимо ограды, из-за которой виднелся памятник, мы вздумали испытать, до какой степени свежа в околотке память о Михайловском помещике: «Павлуша, кто тут похоронен за оградой,

ракурсе принципиального значения. Собственно, он может быть, кем угодно. Как и для любого фольклорного героя, главное — его функция: способность порождать сюжет. Наметившаяся в грекоязычный пушкиниане еще на самом раннем этапе фольклоризация образа Пушкина получит свое развитие уже в XX в., когда мелодраматическая трактовка дуэльного сюжета отойдет на второй план, а первое место займут разнообразные варианты образа Пушкина-филэллина⁵⁶. Другое направление фольклоризации затронет уже не биографию, а собственно сами пушкинские тексты. Но это уже проявление, как представляется, более общих тенденций XX в. в отношении к своему культурному прошлому.

знаешь ли?» — «Знаю. Пушкин». «А кто ж он такой был?» Мальчик замылся, наконец проговорил: «Генерал» (Timofeev 1899: 269). В этом контексте показательно, что даже в юбилейные годы конца XIX в., несмотря на все предпринимаемые усилия, географические локации, связанные с именем Пушкина, функционируют как «места памяти» (П. Нора) только для ограниченного круга лиц. Вот характерный рассказ А. И. Маркевича о посещении места дуэли: «Полтора месяца назад я с одним знакомым отправился в Петербург искать место роковой дуэли Пушкина. Не зная этого места, мы расспрашивали о нем и полицию, и местных сторожей, и вообще всякого встречного, по крайней мере, человек 20, и могли убедиться, что ни для одного из них слово «Пушкин» не звучало чем-то знакомым, близким. И лишь культурный прохожий вывел нас из затруднения, указав нам дорогу к болоту, где стоит маленький столбик с плохим гипсовым бюстиком Пушкина, смотрящего на скачки и тотализатор» (Markevich 1902: 29).

⁵⁶ Филэллинская тема в изложении пушкинской жизни и творчества ощутимо проявится уже в греческих текстах конца 1870-х гг. Безусловно, стимулом к ее актуализации послужит очередное обострение русско-турецких и греко-турецких отношений. В этом контексте филэллинство Пушкина будет трактоваться вполне серьезно. Так, в 1879 г. в журнале «Парнас» («*Παρνασσός*») выходит очерк К. А. Паллеологоса (К. А. Παλαεολόγος, из Одессы) «Изучение русского поэта Пушкина как филэллина» («*Ὁ Ῥώσος ποιητῆς Πούσκιν ὡς φιλέλλην ἐξέταξιόμενος*»), где приводятся известные отрывки из кишиневского дневника Пушкина, рассказывается о контактах Пушкина с греками в Кишиневе и упоминаются «греческие» стихотворения Пушкина, тексты некоторых (напр., «Гречанке») приводятся в прозаическом переводе (Pinskaia 1989: 170–173). Кроме того, появляются небольшие заметки о филэллинстве Пушкина в греческой периодике (Pinskaia 1989: 174). В 1887 г. в газете «Евдомада» («*Εβδομάδα*» ‘неделя’) выходит заметка «Каподистрия и Пушкин» («*Καποδίστριας καὶ Πούσκιν*»), которая была перепечатана в журнале «Русская старина» (Pinskaia 1989: 178).

В конце XIX в. количественно преобладал более нейтральный вариант пушкинского образа. Как было отмечено в первой обзорной части нашей статьи, заметки и сообщения о Пушкине, нередко сопровождаемые переводами фрагментов его произведений, регулярно публиковались в греческой печати (Sokolov 1926, Pinskaya 1989). Написанная для «Аттического календаря» **Феодором Веллианитисом** (1853–1933) биография Пушкина может служить исчерпывающим примером такого рода публикаций⁵⁷. Веллианитис был автором популярных изданий, профессиональным беллетристом, зарабатывавшим литературой. По писательскому типу он ближе к раннему Чехову, чем к Пушкину. Его подход к пушкинскому материалу определяется характерными для массовой культуры принципами: важны прежде всего увлекательность рассказа, легкость изложения, так как от них зависит интерес читателя. Веллианитис знал русский язык, учился в России, какое-то время жил в Одессе⁵⁸. Очевидно, что он хорошо представлял себе, кто такой Пушкин, читал его произведения в оригинале, что позволило ему подробно рассказать биографию поэта и верно передать фабулы его произведений. Но вместе с тем Веллианитис очевидно не стремится ни к фактической точности⁵⁹, ни к поиску эквивалентного образа — языкового, эстетического, мировоззренческого. Его цель — сделать из Пушкина для читателей «новость», эмоционально наполненную историю, с этой задачей он успешно справляется. Так, в изложении Веллианитиса Пушкин рос в Михайловском, вдали от нравов крепостнической

---

⁵⁷ «Аттический календарь» — одно из самых популярных изданий Греции того времени, широко известное во всем грекоязычном мире. Перед публикацией Веллианитиса о Пушкине была помещена статья «О византийской церкви в Абиссинии», а за ней — «История дьявола с древнейших времен до наших дней». Среди других материалов этого же номера — статьи о гипнозе, полезные советы «Как побеждать женщин», а также обзорные статьи о Дарвине, Спенсере и о Викторе Гюго.

⁵⁸ В 1886–1887 гг. в газете «Акрополь» Веллианитис опубликовал «Русские воспоминания», а в 1892 г. в газете «Эфимерис» («Εφμερίς») вышли его «Крымские впечатления». Издал книгу «Россия» (Vellianitis 1902). Активно переводил русскую литературу: Пушкина, Тургенева, Островского, Достоевского. Был лично знаком с Надсоном (Pinskaya 2007). В Афинах читал лекции о современной русской литературе, перевел на греческий «Историю русской литературы» (неясно, какую именно). Дружил с Яковом Полиласом, переводчиком Илиады и Одиссеи на новогреческий.

⁵⁹ Он неверно указывает даже даты жизни Пушкина — 1789–1839 вместо 1799–1837 (Vellianitis 1886: 423, 439).

Москвы, на лоне природы, где бегал вдоль ручейков и слушал «страстное соловьиное пение» (τὸ περιπαθὲς τῆς ἀηδόνος κελάδημα), а зимой он клал голову на колени кормилицы (κλίνων τὴν κεφαλὴν τοῦ ἐπὶ τῶν γονάτων τῆς τροφοῦ του) и слушал народные сказки (Vellianitis 1886: 424, 425) и т. д.

В дальнейшем развитии линии «занимательного» Пушкина станут многочисленными переводы его наиболее остросюжетных, с точки зрения массового читателя, произведений — «Капитанской дочки» и «Пиковой дамы». Показательно, что это прозаические тексты, которые проще адаптируются под перевод, чем текст поэтический; как минимум, для них не релевантны потери при переложении стиха прозой. В XX в. эту пару дополняют «Каменный гость», «Скупой рыцарь» и сказки. Вместе с тем, благодаря публикациям в массовой печати, — таким, как статья Веллианитиса, — Пушкин к концу XIX в. становится известным, привычным именем. Будучи освоенным массовой культурой, он может перейти уже в зону рефлексии для широкого читателя, стать одним из ее «домашних» смыслов.

Освоенность широкой читательской аудиторией имени «Пушкин» открывала дорогу многотиражным полным переводам. Примерами таких работ могут служить переводы **Харлампия Вулудимоса** и **Николаоса Т. Феодоридиса**. Оба переводчика хорошо знали русский язык и переводили пушкинские произведения с оригинала, что уже для того времени выделяло их работы на фоне «вторичных» вариантов, гарантируя, как минимум, точность понимания. Остановимся более подробно на работе одного из них. Вулудимос был представителем школьно-университетской культуры: он многие годы был директором греческого коммерческого училища в Одессе, затем занял кафедру в Афинском университете. Но, в отличие от Карафеодориса и Харамиса, его усилия были направлены не в сторону академизма, а напротив, в сторону демократизации предлагаемого вниманию потенциального читателя объекта. Видимо, Вулудимос был талантливым популяризатором. Его обширный труд «О частной жизни древних греков» (1875) («Περὶ τοῦ ἰδιωτικοῦ βίου τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων») переиздается до сих пор. Он хотел перевести не только все произведения Пушкина⁶⁰, но и вообще все самые известные произведения русской литературы Нового времени. В отличие от Харамиса, состав опубликованных Вулудимосом переводов не вызывает вопросов. В 1888 г. в Одессе выходит сборник

---

⁶⁰ В Греции, в Турции и в России, а также в других греческих диаспорах была объявлена подписка на издание перевода полного собрания сочинений Пушкина. Но проект не был реализован, как полагает Соколов, из-за материальных трудностей (Sokolov 1926: 198).

пушкинских поэм (Pushkin 1888). Второй том пушкинианы Вулудимоса — это перевод «Евгения Онегина» и основных критико-биографических текстов о Пушкине (Pushkin 1899).

Показательно, что Вулудимос стремится как можно точнее передать звуковой образ русских имен. Так, имя Людмила он пишет по-гречески как «Λιουδμῖλλα», стараясь воспроизвести характерное для русского сочетание мягкого [л] и [у] — Λιου. В то же время, все переводы Вулудимоса выполнены прозой, что было характерно для его эпохи. В отличие от Харамиса, он не ставит перед собой сверхсложную задачу создания новогреческого стихового эквивалента для оригинального русского текста. Для него гораздо важнее добиться благосклонного отношения публики к переводимому автору. Так, чтобы заинтересовать читателей и в то же время сделать возможно легким восприятие пушкинского текста, в том с переводом «Евгения Онегина» он включает как отдельный раздел краткое содержание романа. Желая подчеркнуть значение Пушкина и самих книг, которые читатель держит в руках, Вулудимос пишет разные предисловия, включает в том с «Евгением Онегиным» тексты о жизни и творчестве поэта: письма В. А. Жуковского о последних часах жизни Пушкина, речи Достоевского, описание пушкинского праздника в Москве 1880 г. и открытия памятника Пушкину в Одессе, статей одесской критики о пушкинском юбилее. Этим же целям служат внешние характеристики книг: красивые издания, на хорошей бумаге, с четким шрифтом. Вместе с тем нет сомнения, что переводчик искренне ценил творчество Пушкина, разделял общее для того времени преклонение перед его гением. Поэтому он и пытается в новогреческом найти слова, эквивалентные общему для юбилейных лет восхищенному слову о Пушкине, а не собственно пушкинскому слову. Тогда закономерно, что для переводов использована кафаревуса, и, как отмечал еще Соколов, текст Вулудимоса может служить «хорошим пособием для изучения современного *литературного* греческого языка (курсив автора — *И. В., М. К.*)» (Sokolov 1926: 195).

Еще одной важной чертой уже не собственно перевода, а самого Вулудимоса является его активная культуртрегерская деятельность. Более-менее подробное описание его биографии — дело будущего, но уже по известным сейчас фактам видно, что сама его жизнь может служить яркой иллюстрацией стремления реализовать идею сближения, прежде всего, в культурном и политическом смыслах России и Греции (см., например его тезис о необходимости лучше знать друг друга двум великим православным народам (Pushkin 1888: ιγ'). Если в грекоязычный мир Вулудимос посредством своих переводов транслирует самое важное достижение современной русской культуры — ее литературу, то русскому миру, в лице его официальных представи-

телей, он не устает напоминать о важности «греческого проекта». Примером этому служит его многолетнее сотрудничество с Г. Г. Маразли, известным меценатом и грекофилом, долгое время занимавшим пост городского головы в Одессе. При финансовой и репутационной поддержке Маразли должны были издаваться две книжных серии — «Библиотека Маразли» («Βιβλιοθήκη Μαρασλή») и «Библиотека лучших произведений русской литературы» («Βιβλιοθήκη Ἑλληνικῶν μεταφράσεων ἐκλεκτῶν ποιημάτων τῶν δοκιμωτέρων Ῥώσων ποιητῶν καὶ συγγραφέων») ⁶¹. Покровительством Маразли Вулудимос не ограничивается. Самостоятельно или при посредничестве последнего, он апеллирует о поддержке грекоязычных переводов русской классики к членам императорской фамилии. Том переводов пушкинских поэм Вулудимос посвящает вдовствующей императрице Марии Федоровне. Перевод «Евгения Онегина» был в личной библиотеке Вел. кн. Константина Константиновича (К.Р.) ⁶². Таким образом, занимаясь активным

---

⁶¹ Очевидно, у серий был как просветительский, так и коммерческий замысел. Касались они не только Пушкина. Издания начали выходить в Одессе, затем в Афинах — вплоть до смерти Г. Г. Маразли в 1907 г. О предварительном составе этой серии можно судить, например, по перечню русских литераторов, который Вулудимос приводит в предисловии к тому пушкинских поэм. Этот список нетривиален для XIX в. и превосходит классический набор имен из школьной программы. Наибольшее влияние (sic!) на русскую литературу, по мнению Вулудимоса, оказали Державин, Фонвизин, Крылов, Карамзин, Жуковский, Грибоедов, Гнедич, Озеров, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Языков, Баратынский, Тургенев, Островский, Козлов, Кольцов, Майков, Некрасов (Pushkin 1888: ιβ'–ιγ').

⁶² В библиотеке Вел. кн. Константина Константиновича (К.Р.), хранящейся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН, есть издание «Евгения Онегина» в переводе Х. Вулудимоса (1899): «В кожаном переплете с золотым обрезом и ляссе (выполнено триколором — белый, синий, красный)» (Belyaev 2022: 200 [№ 806]). Дарственная надпись отсутствует. Когда именно появилась эта книга в библиотеке великого князя пока установить не удалось. Возможно, это издание было привезено Ольгой Константиновной в один из ее визитов в Петербург или по возвращении на родину после гибели мужа, греческого короля Георга I (т. е. не позднее 1913 г.). Возможно, оно было направлено в дар Великому князю самим Вулудимосом сразу после публикации или позднее, при возникновении у издания материальных трудностей — с надеждой на возможную протекцию задуманного проекта. Особое значение греческой и пушкинской тем для этой ветви семьи Романовых было хорошо известно. Эта традиция будет поддержана и сыном Вел. кн. Константина Константиновича, Олегом Константиновичем

продвижением Пушкина в Греции и греческих переводов в России, Вулудимос превращает имя поэта в знак встречного движения русофильских и филэллинских настроений, способствуя, не столько на фабульно-тематическом, сколько на семиотическом уровне, становлению мифа о Пушкине как главном филэллине русской литературы. Поскольку литература в эту эпоху преимущественно говорит от имени культуры в целом, то Пушкин оказывается и главным филэллином русской культуры. Влияние этого мифа хорошо заметно в греческой пушкиниане и в целом в представлениях греков о России на протяжении XX в., особенно — в период советской истории. По понятным причинам тема филэллинства Пушкина активно будет эксплуатироваться и в советском литературоведении.

Культурная жизнь Новороссии: от «их» Пушкина к «нашему»

В данной статье мы не касаемся еще одного интересного и важного вопроса о влиянии раннего «греческого» Пушкина на культурную жизнь Новороссии (юга России). Чтобы показать важность изучения этой проблемы, контурно очертим ее через несколько примеров. Ожидаемо, что греческая пушкиниана и фиксировалась, и создавалась преимущественно на юге России. Греческая диаспора имела там два главных центра — Таганрог и Одессу. Закономерно, что именно в них мы и встречаем двух наиболее масштабных переводчиков Пушкина на греческий. До конца XIX в. Таганрог и Одесса представляют собой поликультурные города, где русское население не доминирует, а греческое составляет до 40% от общего числа жителей. Это определяет специфику культурной жизни и, шире, самой жизненной атмосферы Таганрога и Одессы. В отличие от столичных центров, югу в большей степени свойственна самоирония, стимулирующая не только поиск ответов на уже поставленные вопросы, но и стремление формулировать новые вопросы. Как пример приведем слова А. И. Маркевича (о нем см. Linnichenko 1904) из юбилейной

(1892–1914). Он видел свою будущность связанной с литературой и был горячим поклонником творчества А. С. Пушкина. По его инициативе к 100-летию юбилею Лицея были изданы хранящиеся в лицейском музее и у частных лиц автографы Пушкина (Pushkin 1911). Так или иначе, появление выполненного Вулудимосом перевода Пушкина на новогреческий в библиотеке Мраморного дворца довольно показательно. Косвенно на поиски Вулудимосом покровительства К. Р. в проекте греческих переводов указывает и тот факт, что в 1895 г. в его переводе на греческий вышел сборник стихотворений К. Р. (Romanov 1895).

речи, произнесенной на собрании университета и ученых обществ Одессы 27 мая 1899 г.:

«...жизнь и произведения Пушкина настолько известны нашему образованному обществу и столь часто были оцениваемы в сочинениях выдающихся критиков и публицистов, что в торжественный день, посвященный его памяти, просто невозможным представляется избрать для речи, произносимой перед таким обществом, какое я имею честь теперь видеть перед собою, тему, которая отличалась бы новизною или оригинальностью. Я внимательно следил за литературой о Пушкине во дни, предшествовавшие настоящему празднеству, и с грустной иронией должен сказать, подражая Лессингу, что, хотя о Пушкине в последнее время было напечатано много нового и много интересного, но — то, что интересно, уже не ново, а что ново, то совершенно неинтересно» (Markevich 1902: 3).

В стремлении найти то, что было бы по-настоящему ново и интересно, Маркевич пытается нешаблонно взглянуть на тему «Пушкин и Новороссийский край». Тема ожидаемо имеет две стороны: во-первых, значение юга для жизни и творчества Пушкина и, во-вторых, значение Пушкина для жизни юга. Казалось бы, и то, и другое в целом ясно. Богатство новых впечатлений роскошь южной природы, особый дух свободы — все это к концу XIX в. стало общим местом в текстах о Пушкине южного периода. Однако Маркевич, как ранее и Кирпичников в юбилейной речи 1887 г., стремится не просто констатировать особую пестроту жизни, свойственную русскому югу, но выделить те специфические качества этой пестроты, которые могли сущностно, а не только эмоционально повлиять на поэта. К таким специфичным для одесской жизни качествам относится отсутствие иерархии внутри культурного поля и неопределенность, своего рода размытость социальных статусов. Пестрота этнического и социального состава жителей юга, большое количество иностранных поданных и переселенцев, т. н. «новых» людей, придавало южной жизни несвойственный центральной России динамизм. Общество в меньшей степени следовало сложившимся моделям, было более открыто к различным новшествам. Однако более существенно, по Маркевичу, формирование — во многом благодаря людям коммерческого сословия — в Одессе, и шире, на юге России, особой культурно-образовательной среды. По роду своей прямой деятельности далекие от культурной сферы, одесские коммерсанты, преимущественно — греки⁶³, в силу разных причин

---

⁶³ Значительная часть населения, особенно в наиболее крупных городах юга — Таганроге и Одессе, составляли греки. Об этом говорят

(иностранные происхождение, иностранная торговля) оказывались одними из основных потребителей образования и культуры, составляли своего рода коммерческую культурную аристократию. В пушкинское время на улицах Одессы итальянский, греческий или французский слышался чаще русского (Markevich 1902: 15). Для одесских коммерсантов было характерно хорошее знание европейских языков, дети многих из них получали образование в европейских университетах, немногим позднее, в послепушкинское время, Ришельевский Лицей, Коммерческое училище и учрежденный одним из первых в России Новороссийский императорский университет (1865 г.) по уровню образования успешно конкурировали с лучшими учебными заведениями Петербурга и Москвы. В городе было много магазинов, где продавали иностранные книги, тогда как «русские приходилось приобретать в посудных лавках» (Markevich 1902: 15). Именно в Одессе Пушкин начинает собирать свою знаменитую библиотеку, которую потом на 12 подводках повезут из Михайловского⁶⁴

практически все источники по истории Приазовья, Крыма и Одессы. Кирпичников, описывая специфику культурной ситуации в Одессе, пишет: «сюда наехала масса греческих семей из Турции: среди них было немало людей состоятельных и образованных. С самого основания Одессы греки здесь считались сотнями»; с 1803 г. в составе южной армии существовал особый одесский греческий полк; в 1812 г. греческая диаспора подписала «на нужду государства почти вчетверо более, чем местное дворянство»; в 1814 г. Одессе Николаосом Скуфасом была основана «Филики Этерия» (Φιλκή Ἐταιρεία), была открыта подписка на организацию Греческого коммерческого училища, в 1817 г. оно уже было «богато учениками», а в 1819 г. — «начинает довольно длинный ряд своих изданий»; греки часто занимали важнейшие должности в городе (Kirpichnikov 1903a: 460). На преобладание греков среди коммерческого сословия указывает Маркевич (Markevich 1902: 14). Кирпичников отмечает значительное число изданий на новогреческом в фондах Городской публичной библиотеки. К этой части (о книгоздании) сделано примечание: «Помимо этого, считаем нужным указать на массу новогреческих книг, изданных в это время в Одессе в новогреческой типографии (см. заглавия многих из них в каталоге городской публичной библиотеки)...» (Kirpichnikov 1903a: 469). О школьном образовании в Одессе можно найти материалы в монументальном труде А. И. Любжина (Liubzhin 2018).

⁶⁴ Этот факт из рассказа михайловского кучера Петра, записанного К. А. Тимофеевым и впервые опубликованного в «Журнале народного просвещения» в 1859 г., не раз вспоминает А. И. Кирпичников, начиная с юбилейной речи 1887 г. (Kirpichnikov 1887: 26; 1903a: 462).

(Kirpichnikov 1903b: 64; Timofeev 1899: 274). Вкупе с деятельной атмосферой это создает особый характер одесской жизни. Примечательно, в интерпретации Кирпичникова, что именно в южный период раскрывается благодаря богатству впечатлений не только талант Пушкина, но и его «исключительное трудолюбие, способность к учебе», он — «первый *ученый* литератор» (курсив Кирпичникова). Иными словами, проявляются черты, которые до Пушкина никогда не связывались с образом гения (Kirpichnikov 1903b: 64). В итоге, Одесса оказывается для Пушкина той Европой, куда он всегда стремился, но где так и не побывал. Этот тезис прозвучит в речи А. И. Кирпичникова еще в дни юбилея 1887 г., которую так и будет названа — «Пушкин как европейский поэт» (Kirpichnikov 1887). О значении «европейской» Одессы для Пушкина говорит и Маркевич, большая часть жизни и профессиональная деятельность которого связана с этим городом (см. Rudakov 1896: 648; Linnichenko 1904). В доказательство, не чувствуя иронии автора, он приводит цитату из письма Пушкина брату, написанному сразу после переезда в Одессу: «...я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-Богу, обновили мне душу <...> Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни» (Pushkin 1979). Не обсуждая здесь убедительность данного тезиса, отметим его важность для представителей российского культурного юга. Европеизм и русскость выводятся в юбилейных речах одесситов за грани географического и национального, становятся качеством культуры как таковой, воплощенной в равной степени как в Пушкине, так и в одесской, шире — южной-русской, жизни. Свойственные им обоим динамизм и своеобразие не предполагают сосуществования в рамках каких-либо оппозиций, но сосредоточены на реализации своей уникальности, на способности постоянно оказываться за границами устойчивых моделей. Так, Одесса — молодой город, центр Новороссии, недавно вошедшей в состав российских земель, но вместе с тем юг России — земли с самым давним, еще античным, культурным прошлым; значительная часть жителей Одессы — иностранные подданные, но живут в России и ее считают своим домом и т. д. В плане идентификации выход за пределы бинарных определений делает ключевым понятием самоуважение. Именно оно обуславливает как подлинную причастность национальной культуре, так и европейской.

«Как в жизни обыденной уважение может возбудить только человек, который сам себя уважает, так и среди народов только тот народ обращает на себя почтительное внимание других, который не отказывается от своей самостоятельности. Русские интеллигентные люди, стыдившиеся своей национальности или

не имевшие о ней понятия, не могли делаться европейцами, хотя и переставали быть русскими. Настоящий европеец (а не *международная обимыга* (курсив автора — *И. В., М. К.*), по резкому, но меткому выражению Достоевского) — только тот, кто сознает *свою* роль, как представителя известной национальности (курсив автора — *И. В., М. К.*) в общем деле европейской, т. е. общечеловеческой цивилизации»

(Kirpichnikov 1903b: 66–67).

Таким образом, благодаря Пушкину и пушкинским юбилеям, культурная жизнь юга России получила мощный стимул отрефлексировать собственную самобытность и воспользовалась этим стимулом в полной мере, создав *своего* Пушкина, в котором, как в греческой пушкиниане, разные линии русской культуры тесно переплелись со своими чаяниями и интересами.

Литература

- Belyaev, N. S. (comp.) 2022: *Izdanīia iz sobraniīa velikogo kniazīa Konstantīna Konstantinovicha v Biblioteke Pushkinskogo Doma* [Editions from the collection of the Grand Duke Konstantin Konstantinovich in the library of Puskinskij dom]. St. Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences.
 Беляев, Н. С. (сост.). 2022: *Издания из собрания великого князя Константина Константиновича в Библиотеке Пушкинского Дома*. СПб.: БАН.
- Berkov, P. N., Lavrov, V. M. 1949: *Bibliografīia proizvedenīi Pushkina i literatury o nem* [Bibliography of the Pushkin's oevres and the literature about him]. 1886–1899. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union.
 Берков, П. Н., Лавров, В. М. 1949: *Библиография произведений Пушкина и литературы о нем. 1886–1899*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Bien, P. (ed.) 2012: *The selected letters of Nikos Kazantzakis*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Draganov, P. D. 1899: *Piatidesiatīiazыchnyī Pushkin, t. e. perevody A. S. Pushkin ana 50 iazykov i narechiī mira. Bibliograficheskiī venok na pamiatnik A. S. Pushkinu, spletnnyī k stoletīiu ego rozhdenīia, 26 мая 1799 г. – 26 мая 1899 г.* [Fifty-lingual Pushkin, i.e., Pushkin's translations into 50 languages and idioms of the world. Bibliographic wreath for the Pushkin's monument prepared for his 100th anniversary, 26 May 1799 – 26 May 1899]. [St. Petersburg]: Typography of A. S. Suvorin.
 Драганов, П. Д. 1899: *Пятидесятиязычный Пушкин, т. е. переводы А. С. Пушкина на 50 языков и наречий мира. Библиографический венок на памятник А. С. Пушкину, сплетенный к столетию его рождения, 26 мая 1799 г. – 26 мая 1899 г.* [Санкт-Петербург]: Тип. А. С. Суворина.

- Filevsky, P. P. 1916: [In memoriam of M. I. Skaramanga]. *Taganrog bulletin* 226 (28.08.1916).
Филевский, П. П. 1916: Памяти М. И. Скараманга. *Таганрогский вестник* 226 (28.08.1916).
- Filevsky, P. P. 1898: *Istoriia goroda Taganroga* [The history of the city of Taganrog]. Moscow: Typo-lithography of K. F. Alexandrov.
Филевский, П. П. 1898: *История города Таганрога*. М.: Типо-литография К. Ф. Александрова.
- Garshin, M. Yu. 1937: *Koroleva ellinov Ol'ga Konstantinovna* [Queen of Hellenes Olga Konstantinovna]. Prague: Izdanie kaŭt-kompanii v Prage.
Гаршин, М. Ю. 1937: *Королева эллинов Ольга Константиновна*. Прага: Издание кают-компании в Праге.
- Gavryushkin, O. P. 2000: *Vdol' po Piterskoĭ (Khronika obyvatel'skoĭ zhizni)* [Along Piterskaia (Chronicles of the everyday live)]. Taganrog: BANNERplus.
Гаврюшкин, О. П. 2000: *Вдоль по Питерской (Хроника обывательской жизни)*. Таганрог: БАННЭРплюс.
- Gennadi, G. N. 1859: *Perevody sochinenii Pushkina* [Translations of the Pushkin oevres]. Bibliographic index. Moscow: Typography of S. Selivanovsky.
Геннади, Г. Н. 1859: *Переводы сочинений Пушкина*. Библиографический указатель. М.: Тип. С. Селивановского.
- Grin, A. A. 1961: [The image of Pushkin in dramaturgy and on the stage]. In: *Pushkin na iuge* [Pushkin on the South]. *Proceedings of the Pushkin's conference in Odessa and Kishinev*. In 2 vols. Vol. II. Kishinev: "Shtintsa Publ.", Moldavian branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 465–501.
Грин, А. А. 1961: Образ А. С. Пушкина в драматургии и на сцене. В сб.: *Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева*. В 2 т. Т. II. Кишинев: Изд-во «Штинцианца» Молдавского филиала АН СССР, 465–501.
- Ilinskaya, S. 1989: [Russian literature in Greece. Steps of the evolution (19 century)]. *Dodoni. "Philology". Scholarly yearbook of the department of philology of the faculty of philosophy of the University of Ioannina* 18, 165–180.
Ιλίνσκαγια, Σ. 1989: Η Ρωσική λογοτεχνία στην Ελλάδα. Στιγμιότυπα μιας πορείας (19^{ος} αιώνας). *Δωδώνη. «Φιλολογία». Επιστημονική επετηρίδα του Τμήματος φιλολογίας της Φιλοσοφικής σχολής Πανεπιστημίου Ιωαννίνων* ΙΗ', 165–180.
- Ilinskaya, S. 2007: [Greek heralds of Russian literature]. In: Dimadis, K. A. (ed.). *O ellēnikos kosmos anamesa stēn epokhē tou diafōtismou kai ston eikosto aiōna* [Greek world between the age of Enlightenment and the 20th century]. *Proceedings of the 3rd European conference of the Modern Greek studies, Bucharest 2–4 June 2006*. Vol. 3. Athens: Ellinika Grammata, 483–492.
Ιλίνσκαγια, Σ. 2007: Έλληνες μαντατοφόροι της ρωσικής λογοτεχνίας. Στο: Δημάδης, Κ. Α. (επιμ.). *Ο ελληνικός κόσμος ανάμεσα στην εποχή του διαφωτισμού και στον εικοστό αιώνα. Πρακτικά του Γ' Ευρωπαϊκού συνεδρίου Νεοελληνικών Σπουδών*,

- Βουκουρέστι 2–4 Ιουνίου 2006*. Τ. Γ'. Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 483–492.
- Karamzin, N. 1855–1856: *Istoria tēs Rōssikēs autokratotias* [*History of the Russian state*]. Transl. into Greek by D. Bernadakis. Vols. 1 & 2. Athens.
- Καραμζίνος, Ν. 1855–1856: *Ιστορία τῆς Ρωσικῆς αὐτοκρατορίας*. Ἑλληνιστὶ μεθερμηνευθεῖσα ὑπὸ Δ. Βερναρδάκη. Τ. Α' καὶ Β'. Ἀθήνησιν.
- Karatheodoris, S. K. 1870–1871: [About Russian literature]. *O en Kōnstantinoupolei Ellēnikos filologikos syllogos* [*Greek philological society in Constantinople*]. *Literary periodical* 5, 60–86.
- Καραθεοδῶρης, Σ. Κ. 1870–1871: Περὶ ῥωσικῆς φιλολογίας. Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος. Σύγγραμμα περιοδικὸν Ε', 60–86.
- Karpuk, D. A. 2005: [Church historical heritage of the Professor the Saint Petersburg Theological Academy Ivan I. Sokolov (1865–1939)]. *Christian Reading* 25, 184–202.
- Карпук, Д. А. 2005: Церковно-историческое наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Ивановича Соколова (1865–1939). *Христианское чтение* 25, 184–202.
- Kazantzakis, N. 1930: *Istoria tēs Rōssikēs logotekhnias* [*History of the Russian literature*]. Vol. 1. Athens: Eleftherodakis.
- Καζαντζάκης, Ν. 1930: *Ιστορία τῆς Ρωσικῆς λογοτεχνίας*. Τ. Α'. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκδοτικὸς οἶκος «Ἐλευθερουδάκης».
- Kazantzakis, N. 1980: *Istoria tēs rōssikēs logotekhnias* [*History of the Russian literature*]. Athens: Eleni N. Kazantzaki Publishing.
- Καζαντζάκης, Ν. 1980: *Ιστορία τῆς ρωσικῆς λογοτεχνίας*. Αθήνα: Ἐκδόσεις Ελένης Ν. Καζαντζάκη.
- Kirpichnikov, A. I. 1887: *Pushkin kak evropeiskii poet* [*Pushkin as the European poet*]. *The speech held at the public meeting of the Royal University of Novorossiysk, 1 February 1887*. Odessa: Typography of the “Odesskii vestnik”.
- Кирпичников, А. И. 1887: *Пушкин как европейский поэт. Речь, читанная в публичном собрании Императорского Новороссийского университета 1 февраля 1887 года*. Одесса: Типография «Одесского вестника».
- Kirpichnikov, A. I. 1903a: [From the history of the intellectual life of Odessa (to the 100th anniversary of the city)]. In: Kirpichnikov, A. I. *Ocherki po istorii novoï russkoï literatury (Pushkinskii period)* [*Essays on the history of new Russian literature (Pushkin's period)*]. Vol. 1. 2nd expanded edn. Moscow: Bookshop “Kniznoe delo”.
- Кирпичников, А. И. 1903а: Из истории умственной жизни Одессы (по поводу столетнего юбилея города). В кн.: Кирпичников, А. И. *Очерки по истории новой русской литературы*. Т. I. Изд. 2-е, дополненное. М.: Издание магазина «Книжное дело», 440–477.
- Kirpichnikov, A. I. 1903b: *Ocherki po istorii novoï russkoï literatury (Pushkinskii period)* [*Essays on the history of new Russian literature (Pushkin's period)*]. Vol. 2. 2nd expanded edn. Moscow: Bookshop “Kniznoe delo”.

- Кирпичников, А. И. 1903: *Очерки по истории новой русской литературы (Пушкинский период)*. Т. II. Изд. 2-е доп. М.: Издание магазина «Книжное дело».
- Kisilier, M. L. 2019: [Sociocultural and linguistic peculiarities of Azov Greek poetry]. In: Gushchian, L. S., Tantlevsky, I. R., Fedchenko, V. V. (eds.). *Formirovanie kultury v diaspore [Formation of Culture in Diaspora]*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Academy for the Humanities, 99–134
- Кисилиер, М. Л. 2019: Социально-культурные и лингвистические особенности поэзии греков Приазовья. Кн.: Гушян, Л. С., Тантлевский, И. Р., Федченко, В. В. (ред.). *Формирование культуры в диаспоре*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 99–134.
- Lebedeva, G. E., Berezkin, A. V. 2016: [Professor Ivan I. Sokolov: a historian at the turn of two epochs]. *Paleorosia. Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas* 5, 476–488.
- Лебедева, Г. Е., Березкин, А. В. 2016: Профессор Иван Иванович Соколов: историк на рубеже двух эпох. *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях* 5, 476–488.
- Linnichenko, I. A. 1904: *A. I. Markevich. Biograficheskie vospominaniia i spisok trudov [A. I. Markevich. Biographic memoirs and the list of works]*. Odessa: “Economic” Typography.
- Линниченко, И. А. 1904: *А. И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов*. Одесса: «Экономическая» типография.
- Liubzhin, A. I. 2018: *History of the Russian education* Vol. 2,3. Moscow: Nicea Publisher.
- Любжин А. И. 2018: *История русской школы императорской эпохи*. Т. II. Русская школа XIX столетия. Книга III. С 1881 г. до конца века. М.: «Никея».
- Mackridge, P. H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766–1976*. Oxford: Oxford University Press.
- Markevich, A. I. 1902: *Pushkin i Novorissiiiskii kraï [Pushkin and the region of Novorossiysk]. The speech held at the official meeting of the University and Scientific societies, 27 May 1899*. Odessa: “Economic” Typography.
- Маркевич, А. И. 1902: *Пушкин и Новороссийский край. Речь, произнесенная в торжественном собрании университета и ученых обществ 27 мая 1899 года*. Одесса: «Экономическая» типография, 1902.
- Mezhov, V. I. 1886: [Translations of the Pushkin works in foreign languages. Biographic, critical and bibliographic articles about Pushkin and his works]. In: Mezhev, V. I. *Pushkiniana. Bibliograficheskii ukazatel' statei o zhizni A. S. Pushkina, ego sochinenii i vyzvannykh imi proizvedenii literatury i iskusstva [Bibliographic index of the articles about Pushkin's life, his works, and literary oeuvres and artworks inspired by them]*. St. Petersburg: Royal Alexandrovsky Lyceum, 201–237 (No 3175–3566).
- Межов, В. И. 1886: Переводы сочинений А. С. Пушкина на иностранные языки. Биографические, критические и библио-

- графические статьи о Пушкине и его сочинениях. В кн.: Межов, В. И. *Pushkiniana. Библиографический указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства*. СПб.: Изд-е Император. Александр. лицея, 201–237 (№№ 3175–3566).
- Mikheeva, G. N. 2020–2024: [Draganov Petr Danilovich]. In: *Sotrudniki RNB — deiateli nauki i kul'tury. Biograficheskiĭ slovar'* [Personnel of the National Library of Russia — scholars and artists. Biographic dictionary] Vol. 1–4. (online version). <https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1382>, accessed 05.04.2024.
- Михеева, Г. Н. 2020–2024: Драганов Петр Данилович. В кн.: *Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь*. Т. 1–4 (электронная версия). <https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1382>, дата обращения 05.04.2024.
- Nazarenko, I. V. 2008: [Skaramanga Ivan Amvrosievich]. In: *Taganrog. Encyclopedia*. Taganrog: Anton, 639.
- Назаренко, И. В. 2008: Скараманга Иван Амвросиевич. В кн. *Таганрог. Энциклопедия*. Таганрог: Антон, 639.
- Oikonomopoulos, D. I. 1888: *Leriaka ētoi khōrografia tēs nēsou Lerou* [On Leros, namely description of the island Leros]. Athens: Typography of the Royal Court of Nikolaos G. Igglesis.
- Οικονομόπουλος, Δ. Ι. 1888: *Λεριακὰ ἤτοι χωρογραφία τῆς νήσου Λέρου*. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τῆς τυπογραφίας Βασιλικῆς Αὐλῆς Νικόλαου Γ. Ἰγγλέση.
- Petrulina, O. E., Gerd, L. A., Vakh, K. A. 2020: *Aleksandriĭskii patriarkhat i Rossiia v XIX veke. Issledovaniia i dokumenty* [The patriarchate of Alexandria and Russia in the 19th century. Studies and documents]. Moscow: Indrik.
- Петрунина, О. Е., Герд, Л. А., Вах, К. А. 2020: *Александрийский патриархат и Россия в XIX веке. Исследования и документы*. М.: Индрик.
- Pushkin, A. S. 1838: *Sochineniia* [Oeuvres]. [Ed. by V. A. Zhukovsky]. In 11 vols. Vol. 3. St. Petersburg: Typography of the preparation of the State documentation.
- Пушкин, А. С. 1838: *Сочинения*. [Под ред. В. А. Жуковского]. В 11 т. Т. 3. СПб.: В тип. экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Pushkin, A. S. 1855: *Sochineniia* [Oeuvres]. [Ed. by P. V. Annenkov]. In 17 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Typography of the Headquarters of the Military Schools.
- Пушкин, А. С. 1855: *Сочинения*. Под. ред. П. В. Анненкова. В 7 т. Т. 2. СПб.: В тип. штаба военно-учебных заведений.
- Pushkin, A. S. 1859: *Sochineniia* [Oeuvres]. [Ed. by G. N. Gennadi]. Vol. 1. St. Petersburg: Ya. A. Isakov Publishers.
- Пушкин, А. С. 1859: *Сочинения*. [Под ред. Г. Н. Геннади]. Т. 1. СПб.: Изд. Я. А. Исакова.

- Pushkin, A. S. 1870: *Polnoe sobranie sochineniĭ* [The complete works]. 2nd edn., ed. by G. N. Gennady. Vol. “Lyric poems”. St. Petersburg: Typography of Gogenfelden & Co.
Пушкин, А. С. 1870: *Полное собрание сочинений*. Изд. 2-е, под ред. Г. Н. Геннади. Т. «Лирические стихотворения». СПб.: В типографии Гогенфельдена и Ко.
- Pushkin, A. S. 1880: *Sochineniĭa* [Oeuvres]. 3rd edn. revised and expanded, ed. by P. A. Efremov. Vol. 2. St. Petersburg: Ya. A. Isakov Publishers.
Пушкин, А. С. 1880: *Сочинения*. Изд. 3-е, исправ. и доп. под ред. П. А. Ефремова. Т. 2. СПб.: Изд. Я. А. Исакова.
- Pushkin, A. S. 1882: *Sochineniĭa* [Oeuvres]. 8th edn. revised and expanded, ed. by P. A. Efremov. Vol. 2. Moscow: F. I. Ansky Publishers.
Пушкин, А. С. 1882: *Сочинения*. Изд. 8-е, исправ. и доп. под ред. П. А. Ефремова. Т. 2. М.: Изд. Ф. И. Анского.
- Pushkin, A. 1887: *Erga anekdota. Nyn to proton. Ekdidomena dapanē tou filogenous autou adelfou Nikolaou Kharamē. Periekhōn metafraseis ek tōn poiēmatōn tou rōssou poiētou* [Unpublished works. Now for the first time. Published with the financial support of his patriotic brother Nikolaos Charamis. Includes translations of the poems of the Russian poet]. Ed. by K. Nestoridis. Transl. by A. Charamis. Athens.
Πούσκιν, Α. 1887: *Έργα ανέκδοτα. Νῦν τὸ πρῶτον. Έκδιδόμενα δαπάνη τοῦ φιλογενοῦς αὐτοῦ ἀδελφοῦ Νικολάου Χαραμή. Περιέχων μεταφράσεις ἐκ τῶν ποιημάτων τοῦ ρῶσσου ποιητοῦ*. Ἐπιμ. Κ. Νεστορίδου. Μετάφρ. τοῦ Α. Χαραμή Λερίου. Ἐν Αθήναις.
- Pushkin, A. S. 1888: *Eklektōn poiēmatōn metafrasis* [Translation of selected poems]. Vol. 1. Transl. by Ch. Voulodimos. Odessa: Typography of N. Chrysogelos.
Πούσκινη, Α. Σ. 1888: *Έκλεκτῶν ποιημάτων μετάφρασις*. Τ. Α'. Μετάφρ. Χ. Βουλοδήμου. Ἐν Ὁδησσῷ: Τύποις Ν. Χρυσογέλου
- Pushkin, A. S. 1893: *Ē korē tou frouarkhou (fylatte tēn timēn ek neotētos)* [The Captain's daughter (Preserve your honour in your youth)]. Transl. by N. T. Theodoridis. Odessa: Typography of N. Chrysogelos.
Пушкин, А. С. 1893: *Η κόρη τοῦ φρουράρχου (Φύλαττε τὴν τιμὴν ἐκ νεότητος)*. Μετάφρ. τοῦ Ν. Τ. Θεοδορίδου. Ἐν Ὁδησσῷ: Τύποις Ν. Χρυσογέλου.
- Pushkin, A. S. 1899: *Eugenios Onegin* [Eugene Onegin]. Epic translated from the Russian original written in verse into Greek as a prosaic version with the biographic note about the poet by Ch. I. Voulodimos. Athens.
Πούσκινη, Α. Σ. 1899: *Εὐγένιος Ὀνέγιην*. Ἔπος μεταφρασθὲν ἐκ τοῦ ἐμμέτρου ρωσικοῦ: πρωτοτύπου εἰς τὴν ἑλληνικὴν ἐν πεζῷ λόγῳ μετὰ βιογραφικῶν καὶ χαρακτηριστικῶν τοῦ ποιητοῦ εἰδήσεων ὑπὸ Χ. Ἰ. Βουλοδήμου. Ἐν Αθήναις.
- Pushkin, A. S. 1911: *Rukopisi Pushkina* [Pushkin's manuscripts]. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing house of Duke Oleg Konstantinovich. (Autographs of the Pushkin Museum of the Royal Alexandrovsky Lyceum. Vol. 1).

- Пушкин, А. С. 1911: *Рукописи Пушкина*. Т. 1. СПб.: Изд. кн. Олега Константиновича. (Автографы Пушкинского музея Императорского Александровского лицея. Вып. 1).
- Pushkin, A. S. 1937: *Silogi ergon [Selected works]*. Ed. by G. Kostoprav. Mariupol: Greek publishers of Donbas.
- Πύσκιw, Α. Σ. 1937: *Σιλογί έργων*. Επμ. Γ. Κoστοπράβ. Μαρύπολι: Ελληνικό εκδοτικό τυ Δoνμπάς.
- Pushkin, A. S. 1979: [The letter to Lev Puskin, 25 August 1823. From Odessa to St. Petersburg]. In: Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochineniĭ [The complete works]*. In 10 vols. Vol. 10. Leningrad: Nauka, 53–54.
- Пушкин, А. С. 1979: Письмо Пушкину Л. С., 25 августа 1823 г. Из Одессы в Петербург. В кн.: Пушкин, А. С. *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 53–54.
- Romanov, K. 1895: *Eklogē poiēmatōn K. R. [Selected poems by K. R.]*. Transl. by Ch. I. Voulodimos. Odessa.
- Ρομάνοw, Κ. 1895: *Έκλογή ποιημάτων Κ. Ρ.* Μετάφρ. ὑπὸ Χ. Ι. Βουλodήμου. Έν Όδησσῶ.
- Rudakov, V. E. 1896: [Markevich, Alexey Ivanovich]. In: *Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary in 86 vols.* Vol. XVIIIa. St. Petersburg: Brockhaus and Efron, 648.
- Рудаков, В. Е. 1896: Маркевич, Алексей Иванович. В кн.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т.* Т. XVIIIa. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 648.
- Sokolov, I. I. 1904: *Konstantinopol'skaĭa tserkov' v XIX veke. Opyt istoricheskogo issledovaniĭa [The church of Constantinople. An attempt of a historical study]*. In 2 vols. St. Petersburg: Typography of M. Akinfiev and I. Leontiev.
- Соколов, И. И. 1904: *Константинопольская церковь в XIX веке. Опыт исторического исследования*. В 2 т. СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева.
- Sokolov, I. I. 1926: [Pushkin in Modern Greek translation]. In: *Pushkin v mirovoĭ literature [Pushkin in the world literature]*. Selected articles. Leningrad: Gos. izdatel'stvo, 188–198.
- Соколов, И. И. 1926: Пушкин в новогреческом переводе. В сб.: *Пушкин в мировой литературе*. Сб. статей. Л.: Гос. изд-во, 188–198.
- Timofeev, K. A. 1899: [Pushkin's tomb and the village Mikhailovskoe. A letter to the editor of the Journal of the Ministry of Education A. V. Nikitenko]. *Russkaĭa starina* 30. 5, 267–276.
- Тимофеев, К. А. 1899: Могила Пушкина и село Михайловское. Письмо к редактору Журнала Министерства народного просвещения А. В. Никитенко. *Русская старина* 30. 5, 267–276.
- Vasileva, I. E., Kisilier, M. L. 2018: [“Greek myth” of Azov Greeks]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaĭa filologiĭa [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* XXII. 1, 274–291.
- Васильева, И. Э., Кисилиер, М. Л. 2018: «Греческий миф» у греков Приазовья. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXII. 1, 274–291.

- Vellianitis, Th. A. 1886: [Alexander Pushkin]. *Attikon ēmerologion* [*Attic calendar*] 20, 422–439.
Βελλιανίτης, Θ. Α. 1886: Ἀλέξανδρος Ποῦσκιν. *Ἀττικὸν ἡμερολόγιον* 20, 422–439.
- Vellianitis, Th. A. 1902: *Ē Rōssia* [*Russia*]. Athens: Association for distribution of beneficial books. (Association for distribution of beneficial books under the protection of Her Royal Majesty Princess Olga. Year 3).
Βελλιανίτης, Θ. Α.: *Ἡ Ρωσσία*. Ἐν Ἀθήναις: Σύλλογος πρὸς διάδοσιν ὠφέλιμων βιβλίων. (Σύλλογος πρὸς διάδοσιν ὠφέλιμων βιβλίων ὑπὸ τὴν προστασίαν τῆς Ἀ.Β.Υ. τῆς Πριγκίπισσας Ὀλγας. Ἔτος Γ).
- Yazykov, D. D. 1903: [A. I. Kirpichnikov]. *Istoricheskiĭ vestnik* [*Historical bulletin*] July, 1014–1021.
Языков, Д. Д. 1903: А. И. Кирпичников. *Исторический вестник* июль, 1014–1021.